Наталья
Симонова

ПЕРЕПУТАНЫ НАШИ СЛЕДЫ

СОСТАВ: Оптимизм – 35%, спокойствие – 40%
уравновешенность – 10%, доброжелательность – 15%

Все еще будет!

Наталья Симонова

Перепутаны наши следы (сборник)

«Эксмо»
2016

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Симонова Н.

Перепутаны наши следы (сборник) / Н. Симонова — «Эксмо», 2016 — (Все еще будет!)

ISBN 978-5-699-92557-5

Эх, не стоило Игорю поддаваться на подначки мужиков в бане и делать анализ ДНК дочери! Аленка-то оказалась не его. Но и жена Галя, как выяснилось, Аленке не родная мать. Можно было смириться и забыть, но Галя и Игорь решили выяснить, как это случилось. Новый сборник рассказов Натальи Симоновой – о том, как все мы совершаем ошибки, пытаемся склеить разбитое, обижаем близких и доставляем им радость. И, конечно же, о любви, что придает жизни смысл.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92557-5

© Симонова Н., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Переполох 6
Из пункта А в пункт Б… 26
Перепутаны наши следы 35
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Наталья Симонова
Перепутаны наши следы (сборник)

© Симонова Н., 2016
© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Переполох

Паша торопился домой. Он был голоден. А жена, он знал, собиралась прийти пораньше, и, по его расчетам, ужин уже должен был шкворчать на плите. Паша сглотнул слюну, почти ощущая соблазнительные запахи кухни, и поспешил вон из машины – благо сразу удалось найти место для парковки во дворе.

В хорошем настроении, созданном предвкушением неторопливого трапезничания в обществе жены (или в уединении, если она занята, – без разницы, лишь бы еда уже была готова!), Паша преодолел маленькое препятствие домофона, взбежал на площадку лифта, поднялся на свой этаж и почти ворвался в квартиру, от нетерпения теряя вещи в прихожей. К сожалению, из кухни таки ничем не пахло. Неужели жена задержалась на работе и явилась только-только? Паша поплелся в гостиную, где горел верхний свет, и, к изумлению своему, обнаружил Ирину сосредоточенно собирающей вещи в большой чемодан.

– Уот из ит? – воскликнул он обеспокоенно, используя по своей дурашливой привычке искаженный английский. – Что происходит, май дарлинг? Я что-то упустил? Ты уезжаешь?

– Зыс из сборы на выход, – сказала жена. – Зыс из у меня изменились жизненные планы.

– То есть? – Паша никак не мог прийти в себя. Жена же, наоборот, нисколько, по-видимому, не сбившись, продолжала складывать в чемодан вещи, сверяясь с длинным списком.

– Ты не хочешь объяснить мне подробнее, – отставив английский и придав голосу всю доступную ему ядовитость, вопросил муж. – Или мне, по-твоему, необязательно знать, куда собирается моя жена на ночь глядя?!

– Очень даже хочу! – Ира захлопнула крышку чемодана, если можно считать захлопыванием слабо спружинившее движение крышки, почти сразу же столкнувшейся с горой одежды, набившей чемоданное нутро. Она села рядом с недоупакованным багажом и вызывающе посмотрела на мужа. – Паша, – сказала она со вздохом, – я решила уйти от тебя. Я встретила человека, который меня любит, а наша с тобой жизнь давно превратилась в сплошной быт и скуку.

Произнеся это, Ира насупилась, ожидая скандала, но явно не собираясь уступать.

– Опа! – только и изрек потрясенный муж.

– Никакая не опа! – гневливо возразила жена. – Опа – это когда вдруг и ни с того ни с сего. А ты давным-давно меня игнорируешь, смотришь на меня как на мебель. Точнее, как на кухонный комбайн.

Бедный Паша буквально хватал ртом воздух, желая что-то сказать, но явно не зная, что бы это могло быть такое, что вполне соответствовало бы его зашкалившим эмоциям.

– С ним я снова почувствовала себя женщиной! – заполняя паузу, чуть мягче добавила Ира. – Так что извини.

– Извини?!! – взревел наконец Павел. – Это ты мне говоришь «извини»?! Как будто просто задела меня локтем или на ногу наступила?! Ты… Ты соображаешь, что ты говоришь?! Ты соображаешь, что ты делаешь?

– Очень даже хорошо соображаю! – заорала Ира в ответ. – Я не комбайн, если хочешь знать, и так жить больше не намерена! Я любви хочу, радости! А с тобой такая скука! Это я еще долго терпела!

– Терпела?! Да что ты терпела?! Я что – денег мало даю? Я бил тебя? Пил? Гулял?

– Ты – убиваешь во мне женщину своим равнодушием! Ты меня вообще не замечаешь, словно я пустое место. Так жить нельзя! И все тут. Я ухожу.

– Ты никуда не пойдешь! – взвился Паша, теряя лицо. – Ты просто дура и с жиру бесишься!

– А ты – глухой, тупой пень! – Жена явно не собиралась принимать во внимание его жалкие протесты. – У меня появился шанс на новую жизнь! И ты не сможешь заставить меня остаться! Я – ухожу!!

– Да к кому ты уходишь?! Откуда это вообще взялось?.. Ты же все придумала! Не может у тебя никого быть!

– Не тупи! – рявкнула жена, наваливаясь на чемодан.

– А я тебе говорю, останешься! – Паша выхватил чемодан из-под Иры злобным рывком и отбросил в сторону, вещи рассыпались по полу. – С ума сошла на старости лет!

– На старости лет?! Вот-вот! Это для тебя я старая мебель. А для него – любимая женщина, понял? И если хочешь знать, он – веселый! Он молодой и веселый! Это человек-праздник! Вот так! А ты – просто клоун… – злобно добила жена, собирая разбросанные вещи.

В общем, через полчаса Ира, скомкав сборы, ушла. А Паша остался. Несмотря на шок, он вдруг почувствовал новый спазм голода и потащился на кухню. Инспекция холодильника принесла неутешительный вывод: готовой еды в доме не было. В нерешительности потоптавшись еще по кухне и прихожей, поверженный Паша хмуро оделся и вышел, намереваясь хотя бы где-то поужинать.

* * *

Его существование превратилось в подобие дурного сна. Измена и уход жены стали для Паши совершеннейшей неожиданностью. Ну мог бы, конечно, что-то заметить и раньше, но он как-то не привык в жену особо всматриваться. Теперь же по утрам он плелся на работу словно в забытьи, кое-как трудился на благо собственного бизнеса (созданного на паях с двумя приятелями), разрываемый злостью на жену и тоской по прежней жизни. Вечерами тащился в какой-нибудь кабак, где ел и пил, не щадя здоровья, в результате напиваясь почти до бесчувствия – к чему, собственно, и стремился… Выбираясь из заведений, бросал машину на парковках, ловил такси или случайного лихача и, пробубнив адрес, переходил к многосложным жалобам на покинувшую его Ирину, пока не засыпал, сурово встряхиваемый затем утомленным водителем уже возле дома. В конце концов он перестал пользоваться собственной машиной совсем, добирался до работы на метро.

Однажды вечером Паша сидел в ресторане и вполне целенаправленно напивался водкой, наливаемой из графина самим собой самому себе. Обнаружив, что вторые пол-литра закончились, Паша, неловко взмахнув рукой, хмуро призвал официантку, требуя все повторить.

– Павел Евгеньевич, а может, вам уже хватит? – вдруг жалобно проблеяла услужливая девушка, подававшая ему в этот вечер.

– Еще чего! Давай теперь еще ты мне будешь указывать! – пьяно возразил Паша. – А кстати, ты кто такая? Откуда знаешь меня, ну? Отвечай!

– Да я Лена. Лена Алабина. Я у вас училась. В институте! Вы у нас матанализ преподавали.

– А-а… И что?

– Ну я студенткой была, помните?

– Каааааанеееееешшна, помню, – с пьяной многозначительностью парировал Паша. – А ты как думала?!

Девушка у него никак не фокусировалась, как ни пытался он держать голову ровно, как ни таращил глаза. В этот день Паша действительно выпил особенно много, быстро и почти без закуски.

– Павел Евгеньевич, давайте я вас лучше домой отвезу, а? Вы где живете? Вы же сами доехать не сможете, а у меня смена все равно заканчивается.

Она побежала куда-то в подсобку и вернулась одетая. Паша тем временем дремал уже, положив руки и голову на стол. С трудом заставив его, мычащего, подняться и дойти до гардероба, Лена столкнулась с новой трудностью: бывший препод не помнил, куда положил номерок.

– Ладно, не так уж холодно, – бормотнула она себе под нос, договорилась с гардеробщиком, что завтра заберет одежду и заплатит штраф, если номерок не найдется.

– Это мой знакомый, – пояснила Лена. Молчаливый гардеробщик важно кивнул. А заботливая официантка поволокла свой полумертвый от злоупотреблений груз на улицу, поймала такси.

В машине растолкала Пашу, требуя назвать адрес. Паша на минуту вынырнул из небытия, привычно прогундел нужные слова сквозь пьяную немочь и снова забылся тяжелым алкогольным сном.

Возле Пашиного дома Лена расплатилась с водителем, вытолкала препода из такси и поволокла вяло сопротивлявшегося бывшего профессора к подъезду.

– Какой этаж? Этаж, Павел Евгеньевич?

Профессор заплетался ногами и норовил резко менять траекторию движения, но Лена уверенно направляла его к лифту, вела к дверям квартиры, побуждала искать ключ. Наконец они добрались домой. Паша сам нащупал выключатель на стене в прихожей.

– Ну что, как вы? – поинтересовалась Елена. – Может, чаю сделать?

– Не-е… – мотнул головой совершенно обессилевший хозяин квартиры. – Сспать, – выдохнул он и самостоятельно протопал в спальню, где и рухнул на кровать.

Лена покачала головой. Ясно было, что рассчитывать на какую-либо дальнейшую активность профессора не приходилось. «Придется разувать», – подумала она, направляясь вслед за Пашей, и, вздохнув, принялась расшнуровывать на нем ботинки.

* * *

Очнувшись ранним утром в тяжелом похмелье, Паша не смог припомнить почти ничего. Он был укутан пледом. Возле кровати стояли тапочки – значит, как-то смог переобуться в прихожей? Но почему тогда не разделся? Брючный ремень неприятно давил на живот, Пашу мутило. Рубашка явно была несвежей. А про дыхание в этом смысле лучше было вообще не думать. «Хорошо, что жены нет дома», – вдруг порадовался оставленный муж. Он сполз с кровати и поплелся в туалет, на ходу расстегивая брюки. Возвращаясь в спальню, посмотрел на вешалку в прихожей – куртки нигде не видно. Зато висело белое, явно женское короткое пальто, или это все же была длинная женская куртка – но какая на фиг разница!

Паша схватился за лоб, пытаясь восстановить в измученном возлияниями мозгу картину вчерашнего вечера. Белое пальто ему явно что-то напоминало. Паша мельком вспомнил девушку, которая крепко поддерживала его под локоть, когда он шел к подъезду. Удивляясь все больше и больше, он заглянул в гостиную – на диванчике свернулась улиточкой незнакомая женщина. Гостья тоже спала одетой, кутаясь в ветхое одеялко, которым Паша укрывался еще подростком, а теперь, когда ушла жена, случайно нашел и в знак смутного протеста против этой предательницы снова плотно освоил в своих похмельных ознобах, бросая по утрам как попало прямо в гостиной. Из-под одеяла выглядывал кончик ноги в носке и джинсовой брючине.

Паша всмотрелся в лицо спящей. Девушка была несомненно красивой. Он узнал ее: официантка из вчерашнего бара. Но почему здесь? Почему спит под его одеялом? Что ли, она его домой привезла?! Как завершился вчерашний вечер?.. Никаких воспоминаний… Неожи-

данные впечатления так возбудили Пашу, что он передумал спать, а решил лучше почистить зубы, принять душ и сварить кофе.

* * *

Около семи Лена проснулась и прислушалась. В ванной шумела вода. Лена отправилась на кухню, ополоснула лицо над раковиной и довольно уверенно отыскала все необходимое для варки кофе и приготовления тостов. И когда Паша, закончив водные процедуры, явился с намерением похлопотать о завтраке, кофейный запах уже оживлял его с недавних пор холостяцкую кухню. Он кое-как приветствовал девушку и, преодолевая смущение, попытался развить непринужденную беседу:

– Я, собственно… извините, что-то не припомню, как мы с вами… и, извините, имени вашего… как-то, в общем, тоже… – высказался он, стараясь держаться бодряком.

– Лена, – улыбнулась гостья. – Я вас вчера домой доставила. Сами вы уже вряд ли добрались бы.

– Да я просто… – хотел было оправдаться Паша и только рукой махнул.

Возникла короткая пауза, во время которой хозяин тяжело опустился на стул, а гостья понимающе улыбнулась.

– А меня вы не помните? – спросила она, не переставая дружелюбно улыбаться. – Я у вас училась. Десять лет назад. В институте.

– То-то чувствую, лицо ваше… такое… не чужое.

– Ну так что – кофе?

Паша вздохнул.

– Ну налейте… Может, полегчает. Перебрал я вчера…

– Да понятно. У вас что-то случилось?

– Жена ушла. – Паша скривился. Ему было очень неловко. Но Лена оказывалась его спасительницей. Он считал себя обязанным поддерживать разговор. – Ю андестен ми? – добавил с искусственной улыбкой, тщетно пытаясь выглядеть беззаботным шутником.

– Ну конечно, – кивнула Лена. – Что ж непонятного?

– А мне вот как-то непонятно, – опять вздохнул Паша. – Я не понимаю. Сказала, что я клоун. – Снова повисла пауза. Паша помолчал и продолжил: – Я клоун, а он – человек-праздник. Вот так вот. Он праздник – я клоун. Непонятно… знаете ли…

– Вы, Павел Евгеньевич, умный, – сказала Лена. – Вы настоящий ученый, профессор! А она, должно быть, просто дура.

– Вы думаете? – только и мог произнести Паша, которого с перепою нещадно мутило от кофе.

– Вы нам матанализ читали, я знаю. Я ваши лекции не пропускала.

– Да?.. А что ж теперь в ресторане работаете?

– А где мне работать?

– Матанализом увлекались – а работаете официанткой, – опять пожал плечами Паша.

– Ну естественно. А если по специальности – это зубы на полку положить. Вот и приходится бегать с подносами. Сами-то все там же?

– Тоже практически нет уже. – Он махнул рукой. – Лен, а можно я тосты не буду, не лезут… Да и кофе…

– Мне-то что! Воду пейте. Угольку примите. Есть у вас?

– Угу.

– Где?

– Там, – Паша махнул рукой.

– Знаете, я сейчас поеду. А вам-то можно еще поспать?

– Посплю, наверное. А вы куда?

– Погуляю, пока моя смена не начнется.

– Ну здрасте! Тогда уж оставайтесь. Лягте тоже, доспите.

– И то! – согласилась Лена, которой вообще-то совсем не хотелось гулять.

Они снова разошлись по комнатам, где ночевали, и поспали еще часа два. Вновь проснувшийся Паша чувствовал себя гораздо лучше. Он сам сварил кофе. И они опять посидели на кухне.

Паша рассказал Лене, что их лаборатория в институте пока еще держится на плаву, есть кое-какие гранты. Но, увы, сказал он, для меня это теперь не основное. Рассказал, как шесть лет назад они с друзьями организовали собственную фирму по продаже финских домиков.

– С того теперь и кормлюсь, – пояснил он. – А вы-то почему в кабаке этом оказались? Почему официанткой?

– Ну не нашла пока ничего получше. Ищу… – Лена развела руками.

– Ой, Лен, – спохватился Паша. – А я ж вчера как дрова был, вы ж, наверное, из-за меня на такси потратились!

– Я даже на ваш ужин потратилась.

– Матерь божия! – Паша ударил себя по лбу. – Это я еще и в ресторане не расплатился! Лена, сколько я вам должен – отдам с процентами.

– Ваш счет, – профессионально любезно сказала официантка, протягивая ресторанный чек. – И еще вы номерок потеряли.

– Да вы что?! – Паша бросился в ванную, осененный внезапной идеей, пошарил в заднем кармане брошенных там вчерашних брюк и вернулся на кухню с номерком.

– Вот… – сказал растерянно. – То-то я думаю, куртка где.

– Ну слава богу, за номерок не придется платить. Вещи ваши сохранили, я договорилась. Вечером зайдете – заберете.

– Отлично, отлично, – бормотал Паша, рассчитываясь с лихвой. – А за такси?

– За такси не надо. Все-таки я у вас ночевала. Так что спасибо за приют.

– А вам что – ночевать негде? – с сомнением спросил Павел.

– Представьте. Не хотелось домой идти. С женихом поссорились, как раз думала, куда податься, только б не домой. Так что в расчете. И за чаевые спасибо.

– Бог с вами! Я ваш должник.

Они стали пить кофе и есть тосты.

Лена рассказала, что после института все у нее как-то не очень хорошо складывалось. Нормальной работы так и не нашла. В личной жизни тоже все время неуд. Вот и сейчас – переехала к жениху, вроде свадьбу планируют – а постоянно ссорятся. Жених – человек неуравновешенный. Да еще и ревнивый. И вообще – как-то так все… не очень…

Паша рассказал, что в последнее время вообще жизни не чует. И даже не помнит, как ходит на работу, потому что все время пьет. И сам не понимает, почему уход жены так его сломал – вроде неплохо жили, но и не так уж чтобы очень хорошо. Жили и жили себе, больше по привычке.

Лена посетовала, что пора детей заводить, а в женихе она не уверена – ужасно вспыльчивый. Какой он муж, какой отец!

Паша пожаловался, что друзья, с которыми вместе создали и тянули бизнес, теперь на него смотрят косо – работа в последнее время его совсем не интересует.

– Нужно бы бросать это дело, – вздохнул он. – Так и спиться недолго. Я ж вот про вчерашний вечер – ну ничегошеньки не помню. И если бы не вы – где б я мог оказаться!

– Да-а… – Лена грустно качала головой.

У обоих осталось приятное впечатление, что сегодня их наконец и выслушали, и поняли.

* * *

Через день Паша снова зашел в тот самый ресторанчик – чтобы куртку забрать, ну и с бывшей своей студенткой пересечься. Никаких конкретных планов насчет нее у него не было. Но поблагодарить по-хорошему хотелось. Посидеть где-нибудь, поужинать… Но оказалось, она как раз не работала. Парнишка-бармен объяснил, когда Лену можно застать. И назавтра Павел встречал ее после смены. Пошли в другой кабак – ну не на рабочем же месте отдыхать! Елена пила вино, Паша – апельсиновый сок. Он действительно решил завязать с беспутной жизнью и второй уже день выезжал из дома за рулем собственного автомобиля.

Лена расслабилась и охотно жаловалась на жизнь. Опять вспоминала жениха, сомневалась в правильности выбора. Еще не женаты – а ссоры чуть не каждый день. Куда это годится? Нрав такой вспыльчивый, что никогда не знаешь, из-за чего в очередной раз заведется.

– Ну и зачем так уж непременно замуж? – спрашивал Паша.

– Ну как зачем? Мне почти тридцатник. А детей нет, семьи нет. Нормально это? У некоторых одноклассниц вон уже по трое подрастают.

– И что? Мне сороковник, да еще с хвостом, детей тоже нет. Так я не печалюсь.

– Ну… – отмахнулась она. – Вы мужчина. Вам и в пятьдесят можно не печалиться, потому что еще не поздно их завести. У женщины, к сожалению, другой расклад.

– Но с кем попало детей рожать – тоже как-то…

– Конечно, – согласилась Лена. – Просто мне по жизни вообще не очень везет, а детей очень хочется.

– А моя жена не хотела, – поделился Паша. – Все твердила: для себя пожить, для себя пожить… Ей, кстати, тридцать пять – и она не беспокоится. Вон – человека-праздника ей подавай, – пробормотал с привычной обидой.

– Бывает и так, – вздохнула Лена.

Ужин был вкусный, теплая беседа – они засиделись. В двенадцать Паша подвез Елену к подъезду. Она поблагодарила и попрощалась. Обменялись телефонами. Паша махнул рукой, Лена скрылась за дверью. Паша зевнул и медленно порулил со двора, собираясь дома сразу же завалиться спать, а завтра прийти на работу пораньше. Явно пора было брать себя в руки. И всерьез начинать заниматься делами, совсем запущенными в дни его долгого загула.

* * *

Вечером следующего дня, возвращаясь из офиса, Павел увидел Лену у своего подъезда. Левая скула девушки припухла, по ней растекался, играя оттенками, свежий синяк.

– Ничего себе! – присвистнул Паша.

– Угу, – покачала головой Елена.

– Боюсь спросить, откуда прилетело.

– Оттуда, оттуда, – подтвердила его догадку Лена.

– То есть жених? Да как такое возможно?!

– Ну… Отчасти случайно. Он орал, отмахнулся от меня – я неудачно подвернулась. Но зол он был как раз настолько, чтобы влепить по-настоящему. По крайней мере, огорчения не выразил.

– Да за что?!

– Видел нас вчера, когда я из вашей машины выходила. Надо ж было ему в тот момент у окна стоять. Соскучился. Ждал меня, стол накрыл – а я из чужой машины выпрыгиваю… Ну, он рассвирепел, как у нас водится.

– Понятно… – пробормотал Паша с едкой ухмылкой. – Человек-праздник!

– Что? – не поняла Лена.

– Да ничего! – отмахнулся Паша. – Твой, наверное, тоже праздник, как и этот, новый… жены моей.

– Похоже, – усмехнулась Лена. – Вообще-то погулять любит. А какой русский праздник без драки, да? Так вы приютите меня сегодня? А завтра я уж…

– Да оставайся, ради бога, хоть живи здесь! Чем ты мне помешаешь?

– Вот здорово! – обрадовалась Лена. – А то к родителям не хочется, там без меня народу достаточно. А к нему – тем более. Вообще надоел… Вещи днем поеду соберу, когда его дома не будет.

Утром, за завтраком, Паша снова предложил Лене: оставайся. Места много, я один – вдвоем даже веселее. Перекантуешься, мол, пока у меня, а там видно будет. Паша чувствовал, что с Леной ему легко и что ей самой легко с ним. Она и кофе сварила, и омлет приготовила, и посуду помыла. Клад, а не девушка…

– Ну а что теперь с женихом думаешь делать? – спросил Паша.

– И не спрашивайте. Я бы вот просто ушла – и забыла. Но, боюсь, эта нудятина еще растянется. Он меня так просто не отпустит.

– Еще чего! – возмутился Паша. – Да после таких выходок, – кивнул на потемневшую припухлость на Лениной скуле, – он еще и условия будет ставить?

– Не то что условия, думаю, он начнет уговаривать. Я когда уходила, он меня пытался удержать, говорил, случайность, мол, не хотел, и все такое. Но я его слушать не стала, побросала самое необходимое в сумку и на выход. Честно говоря, он достал уже меня.

– Понятно… А моя ни с того ни с сего ушла. Жизнь, говорит, с тобой стала скучной. Праздников ей не хватает.

– Вы переживаете?

Паша отвернулся к окну.

– Может, она еще вернется, – предположила Лена. – А что? Очень даже бывает! Вот у моей подруги…

– А здесь что – проходной двор?! – взъярился Паша. – Ушла, пришла!

– Так вы разве не пустите ее, если вернется?

– Откуда я знаю… Ладно. Давай на работу собираться, а то заболтаемся.

* * *

Оба привыкли к этим завтракам вдвоем. Если даже Лене не нужно было выходить в первую смену и вроде бы незачем вставать рано, она все равно поднималась вместе с Павлом. А в выходные их посиделки переносились на более позднее утро и затягивались за разговорами на час-полтора. В такие дни Лена старалась приготовить что-то повкуснее.

Однажды, в одну из суббот они сидели перед горой блинчиков, чему-то смеялись, когда услышали, что в замке входной двери уверенно поворачивается ключ. Лена застыла с чашкой кофе в руке, Паша повернул голову в сторону прихожей.

– Ира? – с изумлением произнес он.

В дверях кухни появилась стройная женщина в кожаной куртке и джинсах, с длинными волосами и ухоженным лицом. Лена бросила взгляд на обескураженного Пашу, поставила чашку на стол и преувеличенно свободно откинулась на стуле.

– Вот те на! – произнесла Пашина жена, картинно опираясь на косяк двери. – Это что же здесь в моем доме происходит?!

– Ты этот дом покинула, если мне не изменяет память, – заметил Паша, сдерживаясь. – С какой же стати он твой?

– А с той стати, что я пока еще твоя жена, дорогой.

– Неужели? Так я же клоун! Знаешь, если бы у меня была жена, она жила бы здесь, со мной. Но я живу один!

– Один! Ха-ха! – саркастически пророкотала Ира. – Вот это ты называешь – один?! – Она указала на Лену пальцем.

И тут Елена встала. Изогнувшись и поводя бедрами, она подплыла к Паше, обняла за шею, чуть прищурившись, посмотрела на Иру бесцеремонным, оценивающим взглядом.

– И что? – спросила намеренно нахально. – Ну не один. Так и вы вроде не в монастырь ушли, или я что-то путаю? – Лена нежно взглянула сверху вниз. – Правда, зай? – выдохнула, не сводя с Паши томного взгляда, и погладила его, совершенно оторопевшего, по щеке. Тот сглотнул и перевел ошеломленный взор на Иру.

– Быстро же ты… – Ира развела руками. Было видно, что она в шоке. – И блинами, смотрю, тебя кормят, неплохо устроился, молодец…

Паша молчал, глядя на жену.

А Лена продолжала свой спектакль. Развязно опустившись на стул прямо против Иры и картинно закинув ногу на ногу, она посмотрела на Пашину жену затуманенным взором и почти прошептала издевательски нежно:

– Вы что-то забыли у нас, Ирочка?

– Да ты… Ты… Это я? У вас? Забыла? Да я в своем доме! Это ты что тут забыла, хамка беспардонная!

Несмотря на эту речь, казалось бы, проясняющую расстановку сил, Ира, явно растерянная, выбежала из квартиры, хлопнув дверью, на ходу кидая ключи в сумку и, видимо, забыв, зачем приходила.

Она шла к машине и не могла понять – как? Ну как у ее зануды мужа могла так быстро появиться молодая красивая любовница?! И ведь он определенно у той под каблуком. Сидит молчит, пока эта нахалка над ней издевается, – над ней, законной женой! – и хоть бы слово сказал… Ира представила стерву, только что прижимавшуюся бедром к ее мужу и непристойно его обнимавшую… «Гадина, – подумала с ревнивой обидой. – Вот гадина!»

В это время Паша пытался выяснить мотивы неожиданного Ленина выступления.

– И что же это было, май литл френд? – спросил он, опускаясь на стул.

– Это – справедливое возмездие! – отчетливо проговорила Лена. – Или тебя устраивает, что ты в дерьме, а она в шоколаде? – уточнила, впервые переходя на «ты».

– Но ты же ввела ее в заблуждение, Лен! Ну а дальше-то что?

– Ну дальше – потом будет видно. А пусть ей сейчас жизнь медом не кажется, раз она так с тобой поступила. И главное – пусть не думает, что ты себя на помойке нашел и никому не нужен! Пусть знает, кого, дура, бросила…

– Значит, ты ее намеренно злила? – улыбнулся польщенный Павел.

– Естественно, не случайно. Ты хороший человек, умница, настоящий мужчина, между прочим, – а она с тобой так обошлась. Не могу этого терпеть. Я очень рада, что уела ее.

– Ну уж и уела, – усомнился Паша.

– А то! – довольно подтвердила Лена. – Она аж позеленела от досады! Так ей и надо. Пусть не думает, что ты какое-то барахло, которое можно просто выбросить и никто не подберет.

– Слушай, ну ты и артистка. Я прямо глазам своим не поверил: всегда такая мягкая, интеллигентная, такая деликатная, вежливая… И вдруг стерва стервой. Может, это и есть твое настоящее лицо?

– Это со стервами я стерва. А с хорошими людьми мягкая и деликатная. Вот так. И где мое настоящее лицо? Я-то думаю, что оба настоящие. Просто все мы меняемся в зависимо-

сти от обстоятельств. На войне как на войне. Вот так вот. И пусть теперь побудет в твоей шкуре, это по справедливости.

– Ну ладно, ладно. Развоевалась… – Паша дружески приобнял Лену. – Спасибо, что заступилась, – улыбнулся. – А то и правда себя барахлом чувствовал.

В понедельник жена явилась к Паше в офис под конец рабочего дня.

– Паш, – начала смущенно, – нужно поговорить. Ты меня вчера так… – Ира подбирала слово, – удивил… Честно говоря, не ожидала от тебя подобной прыти. Я, собственно, и забыла, зачем приходила, а у меня ведь дело к тебе. – Ира помялась. – Понимаешь, мама приезжает в выходные. Хочет нас навестить, уже и билет, говорит, взяла. А ты же знаешь, как она тебя любит. Ну не хочу я ее сейчас огорчать, понимаешь? Как-то не готова еще ей объяснять всю эту нашу с тобой ситуацию… Ну, в общем, не мог бы ты подыграть мне пару дней, поизображать для нее, что у нас все по-прежнему. Она погостит и уедет с легким сердцем, а?

– Ну, Ир, ты даешь! И дальше что? Покривляемся сейчас – а потом?

– Потом потом и будет! – раздраженно возразила жена. – Ты сейчас скажи – можешь помочь?

– Хорошо. Но у меня условие.

– Ну?

– Лена останется у нас! Не выгонять же мне ее из-за твоей прихоти. Скажем, что она моя аспирантка из другого города, заочница. Ну, в общем, твои проблемы, как это все твоей маме объяснять. Скажешь, что ей жить негде. Ну, общежитие там затопило или еще что.

– Что, совсем тебя переклинило? На молоденьких потянуло? – зло откликнулась Ира. – Ладно… Навру что-нибудь. Но ты чтоб при маме ни-ни! А то я просто убью тебя, гада, если ты ей такой стресс устроишь!

«Ну вот и хорошо, – подумал Паша удовлетворенно. – Действительно, пускай поерзает. А то я ей, понимаешь, клоун!.. А там посмотрим, может, и наладится у нас. Ревность стимулирует…»

* * *

Сердце матери заныло еще на вокзале, где ее встречали дочь с зятем. «Что-то у них тут не так, – томилась Людмила. – Что-то не то между ними, это точно». Глядя, как напряженно держится зять, как искусственно возбуждена ее дочка, она уже не сомневалась в своих подозрениях. «Загулял Пашка! – догадалась женщина, с неприязнью поглядывая на дочерина мужа. – Эх… Ведь хороший же мужик, что ж это он, а!» Но такое озарение было, пожалуй, пустяком по сравнению с тем, что ожидало бедную женщину дома. На пороге ее встретила улыбающаяся Лена.

– Здрасте, – вымолвила теща в полном потрясении – и опять взглянула на зятя, слегка покачав головой, как бы не доверяя собственным глазам. – А это что же тут у вас?.. – промямлила наконец, сама чувствуя явную невнятность вопроса.

– А это у нас Леночка, – поспешила встрять дочь. – Аспирантка Павла. – Она заочница, живет в другом городе… В гостиницах мест не найдешь – вот и приходится… – Дочка развела руками и засуетилась, распихивая по прихожей материн багаж.

– Это что же, общежития ей не предоставили? – тревожно зашептала мать, отводя Иру в сторонку. – Дочь, да как-то это странно – молодая девушка живет у научного руководителя, прямо у него дома, а тут его жена…

– Мам, ну там в общежитии потоп, они очников-то распихивают сейчас кого куда, а здесь заочница приехала. Ну нет для нее места. Да она уедет скоро.

– Ой, смотри, Иришка! Как-то не хорошо это.

– Да знаю я, мам, – огорченно махнула рукой дочь. И бедная мама почувствовала новый пронзительный укол в сердце. Она закусила губу, поцеловала свою девочку и сказала:

– Ну ладно, доча, ладно, все образуется.

В тот же вечер, улучив момент, встревоженная мать звонила своему мужу.

– Юра, – шептала в телефонную трубку, чуть не плача, – не ладно тут у детей-то. Вот говорила я Ирке: ну что ты тянешь с ребенком! Ну она же не слушает никого… Ты представляешь, Пашка-то всякий стыд потерял и любовницу завел прямо под боком жены – вот прямо в их квартире, ну ты представляешь? А Ирка страдает!

– Да ты что, Люда?! – не верил муж.

– Юра! Я тебе говорю!.. Ну я тоже не ожидала от него, но она же у них живет, Ирка мне врет, что она Пашина аспирантка, а сама такая вся напряженная, расстроенная… Говорю тебе: он ей изменяет – ну это же сразу видно, понимаешь? И Пашка тоже такой сам не свой ходит.

– Слушай, Люд, а может, еще все не так как-нибудь, а? Ну Иришка же тебе сказала, что аспирантка – ну мало ли?

– Да чего мало ли, Юра! Тут все ясно. Загулял Пашка, да еще самым бессовестным образом девицу эту к себе в дом поселил. Представляешь, каково нашей Ирке? Да, правда, и сам он какой-то пришибленный, видно все же совесть-то его мучает. Ну все-таки, знаешь, тут тебе жена – потерпит, а тут тебе теща приехала! Вот и стыдно ему, что он такое вытворяет. Ну, я уж, чтобы Ирочке не навредить, конечно, сдерживаюсь, не подаю вида. А на душе-то, Юра, прямо кошки скребут. Юра, я тебя умоляю: приезжай!

Бедная женщина, как ни крепилась, залилась слезами.

– Юрочка, как можно скорее бери билет и приезжай к нам. Ну я не знаю, чем мне Ирке помочь. А ты все-таки отец, уж как-нибудь приструнишь его. Ну, поговоришь с ним по-мужски.

– Да что ж я ему скажу-то, Люд?

– Да ты приезжай, Юра. Тут уж сам все увидишь – найдешь, что сказать. Ты бы видел нашу Иру, – она опять всхлипнула. – Девочке так тяжело. Она же с мужа пылинки сдувает, а он вот как с ней.

– Вот подонок! Вот как он может так с Иркой поступать!

– Ну так, Юрочка, а я ж тебе о чем! Ты выезжай немедленно.

– Люд, а куда ж я Волана-то дену?

Воланом звали собаку, беспородного большого кобеля, любимца семьи.

– Юр, да что уж тут делать-то? Вези Волана сюда. Ну договорись там с проводником – справки некогда собирать – и вези, куда ж его? Главное, сам поскорее приезжай к нам. Мы тут без тебя с этим со всем никак не справимся.

Правдами-неправдами, побросав все дела, оскорбленный отец добыл билеты на поезд, умаслил проводницу насчет собаки, не имеющей свежих справок от ветеринара, и вместе со своим лохматым Воланом отправился к жене и дочери. Два дня спустя он был на месте – к изумлению дочери и зятя. В прихожей гостя с собакой встречали Ира с мужем, Ирина мама и «аспирантка» Лена. Пес залился лаем. Отец был молчалив и смущен, на зятя смотрел волком, на дочку поглядывал с сомнением.

– Пап, ты чего вдруг сорвался? – удивленно поинтересовалась Ира. – Да еще с Воланом?

– Да подумал… Что ж мы с матерью-то… А куда я его…

– Ну что ты папу с дороги вопросами дергаешь? – вступилась Людмила. – Давай накормим сначала. Что ж ему, к дочери приехать нельзя?

– Мам, ну просто удивительно как-то: сначала ты, потом он – почему не вместе-то? И ты мне даже не сказала ничего.

– Да я сам решил, что зря с мамой не приехал, вот и… – хмурясь, пояснил отец. – А Волана – ну куда ж его!

– Да проходите уже, раздевайтесь, – поучаствовал Паша. – Волан, успокойся ты, всех перекричал.

– Уж разденемся, уж успокоимся, – ворчал тесть, искоса посматривая на зятя. – Здравствуйте, – кивнул Лене.

– Это, папа, Пашина аспирантка Леночка. Временно у нас, пока общежитие ремонтируют, – приветливо пояснила Ира.

– Ага, – согласился отец. – Я так и подумал.

* * *

Прошел день. И еще один. И еще. Все три комнаты большой благоустроенной Пашиной квартиры были теперь заняты. Причем сам он проживал в спальне с «бывшей» женой, родители Иры вместе с собакой занимали гостиную, а в третьей комнате обитала «аспирантка». Паше ужасно непривычно было все время натыкаться в собственном доме на большое лохматое животное. Время от времени жизнерадостный Волан носился по коридору, грыз тапочки и приставал к домочадцам. На все громкие звуки, как общительный пес, он отзывался веселым заливистым лаем. На звонки и открывания дверей реагировал лаем строгим и предупреждающим. К Паше пес относился неплохо, и это было не очень хорошо. Потому что, если его держали в комнате – он скулил и рвался на волю. А выпущенный в прихожую все время крутился под ногами.

О душевных посиделках вдвоем с Леной пришлось забыть. Но и отношения с Ирой не развивались. Все-таки Паша был зол на нее и, хотя вроде бы надеялся на восстановление семьи, сам на сближение не шел. Да и она не настаивала. Ночевали на одной широкой кровати, но друг к другу и голов не поворачивали. Считая собаку, шесть обитателей теперь постоянно сталкивались в прихожей и на кухне, и пять из них претендовали на частое использование ванной комнаты и туалета. Ирина мать готовила на всех и зорко наблюдала за происходящим в квартире. По ее мнению, все говорило о том, что зять, потеряв всякую совесть, живет сразу с двумя женщинами, а дочь страдает, но молчит. Паша удивленно ловил на себе косоватые взгляды тещи, сопровождавшиеся осуждающими вздохами. Недоумевал, но особо не задумывался. Только надеялся, что родственники скоро наконец съедут и вопрос о непонятных претензиях отпадет сам собой.

Между тем новый Ирин мужчина-праздник, на миг очнувшись от непрерывной радости бытия, незамедлительно потерял терпение в ожидании Иры. Ее отсутствие внезапно показалось ему ничем не оправданным сбоем в стройном течении его многорадостной жизни, и он не раздумывая отправился по старому адресу новой возлюбленной. Дверь ему открыла Ирина мать. Из комнаты за ней выбежал Волан.

– Здравствуйте, – с разгону чуть засбоив, осторожно произнес человек-праздник, очевидно, рассчитывавший без промедлений оказаться в объятиях любимой. – А я тут, собственно, Ирину разыскиваю. Не ошибся адресом?

– А вам какая Ирина нужна? – недоверчиво поинтересовалась мать, поглаживая Волана по шее.

– А у вас какая есть? – шутливо ответствовал гость.

– Вы ко мне пришли, а не я к вам, – рассудительно возразила мать. – Вы и ответьте, кто вам нужен.

– Справедливо, – согласился мужчина и назвал фамилию Иры.

– А вы-то ей кто? – изумилась Ирина мама.

– А я теперь ее всё, – опять отшутился гость.

– Чего всё? – пожала плечами мама. – Ира, – крикнула она в глубь квартиры, – тут к тебе вроде гость. Ира, ну выйди же, к тебе пришли!

Волан заскулил и заскреб когтями пол.

Ирина выглянула в прихожую и с испугом уставилась на неожиданного визитера. Мама стояла тут же, не уходила.

– А-а-а… – сказала Ира.

– Ирочка! – воскликнул мужчина. – Ну я тебя жду, жду. Что-то ты тут подзадержалась, дорогая моя. А вы, если я правильно понял, – обратился он к матери, – вы, конечно, Ирина мама, да?

Волан тявкнул и заскакал, заглядывая в лицо хозяйке.

– Ну да, – растерянно откликнулась женщина.

– Мам, ну иди уже, – пришла в себя Ира. – Ко мне пришли, дай поговорить.

– Да пожалуйста, – обиженно пожала плечами мать, удаляясь в свою комнату и уводя Волана.

– Ты чего пришел! – набросилась Ирина на гостя. – Я сказала, вернусь, когда мама уедет!

– Да ты сказала, на пару дней! А сейчас уже неделя кончается! – в тон ей, театральным шепотом, воскликнул он. – Ну иди, поцелую, – растопырил мужчина руки для обнимашек.

– С ума сошел, да? Тут мои родители!

– Ну да! – радостно воскликнул праздничный гость. – С мамой я уже почти познакомился. Представь меня теперь батюшке, раз уж так все славно сошлось.

– О господи! – взвыла Ира. – Ты что – не понимаешь? Я не могу сейчас им ничего рассказать! Ну боже мой! Просила же! Уходи, ну иди, иди уже. Я позвоню. Не доводи до скандала, тебе бы только в игры играть, – добавила она с досадой.

– Какие игры, Ирочка, хочу познакомиться с будущим тестем!

– Ага! Который о тебе ни сном ни духом! Который приехал в дом к совершенно другому зятю, да? Офигительно просто придумал, молодец!

– Ирочка, да какая разница…

Из комнаты залаял Волан. Хозяйский окрик Ириного отца заставил его на секунду примолкнуть, а потом заскулить, скребя лапами дверь.

* * *

Тем временем покинутый Леной жених Михаил истомился без невесты. Находясь в лирическом настроении, впрочем, у него всегда готовом практически без перехода сделаться агрессивным, он наведался к невесте в ресторан и добыл адрес ее временного проживания. Намерения его были самые серьезные – замириться и вернуть глупую девчонку в лоно нарождающейся семьи.

Жених ехал к дому Паши в благодушном настроении, но чем больше светофоров ему приходилось преодолеть, чем чаще трафик стопорился хоть небольшой пробочкой, тем более хмурым становилось лицо миролюбца. Под конец маршрута он окончательно рассвирепел и твердо решил не ограничивать дело, собственно, возвращением невесты, а еще и навалять этому хмырю, у которого дурная девка обосновалась.

Поднявшись на нужный этаж, он злобно вдавил кнопку звонка. Из комнаты яростно залаял Волан. Дверь открыл человек-праздник, в тот момент беседовавший в прихожей с Ириной и находившийся ближе всех к замку. Увидев на пороге квартиры мужчину, жених без долгих разговоров ударил его кулаком по скуле. Ошарашенный гость покачнулся, но быстро принял боевую стойку и ответил дебоширу метким ударом в челюсть. Ира завизжала. Волан

с лаем забился в закрытой комнате, дверь которой наконец распахнулась. Собака вырвалась в прихожую, за ней выбежали тесть и теща Паши.

Битва меж тем завязывалась нешуточная. Противники, вцепившись друг другу в воротники, пытались повалить один другого на пол, то и дело с размаху ударяясь о шкафы и стены. Ирин папа бросился разнимать двух совершенно незнакомых ему мужчин.

– Ира! Вызывай полицию! – кричала Ирина мама.

Волан с лаем наскакивал на дерущихся, пытаясь выступить на стороне хозяина, но пока не понимая, кто именно является его врагом.

– Ты… моей невесте… голову… задурил, – пыхтя предъявлял претензии Ленин жених.

– Не знаю никакой твоей невесты! Идиот! – кричал человек-праздник, отпихивая драчливого жениха.

Наконец в холл выбежала и Лена. Опознав Михаила, она кинулась к нему. Волан запрыгал энергичнее.

– Миша! Отпусти его, придурок! – закричала Елена, пытаясь отодрать «жениха» от праздничного человека.

* * *

В это время Паша шел с работы домой и думал о том, как ему надоела переполненная квартира, а главное – это двусмысленное положение между ним и женой. Для ее родителей они оставались супругами. Им приходилось спать в одной комнате, в одной постели, и изображать крепкую семью. Если бы он сам ушел к другой женщине – ни за что бы не стал участвовать в подобном спектакле. «Видимо, она еще ничего для себя не решила», – думал он об Ирине. И не знал – радоваться ему или огорчаться. С одной стороны, вроде бы он развод совсем не планировал. С другой – Паша был очень зол на Иру. И, по-видимому, эта злость не давала ему испытать здорового семейного вожделения рядом с ней, когда они оставались одни на ночь в комнате и спали в одной кровати.

Вместе с тем он грустно вспоминал, как они с Леной так по-товарищески, по-добрососедски, так спокойно жили бок о бок, как пили кофе по утрам и по полтора часа завтракали в выходные с веселыми и задушевными разговорами. Теперь в его доме все изменилось. Паша возвращался с работы, робко надеясь обнаружить дома, что тесть и теща с собакой уехали к себе. И что Ира, собираясь тоже уходить к этому своему, складывая вещи, вдруг заплачет, приникнет головой к его плечу и скажет, что жить с человеком-праздником оказалось гораздо хуже, чем с ним, с Пашей. И как он тогда… На этом месте Паша сбивался и утрачивал стройность мечты. И что он тогда? Он не знал. Ей-богу, он совершенно не понимал, в каких они с Ирой действительно отношениях и как он на самом деле к ней относится. И еще думал о том, а где же тогда будет жить бедная Лена…

Но дома размечтавшегося Пашу ожидала совершенно другая картина. Мало того, что тесть, теща и собака, по-видимому, совсем не планировали съезжать и даже все втроем встречали его прямо в прихожей, крича, ругаясь и лая наперебой, но оказалось, что людей в квартире не только не убавилось, но и прибавились новые. В собственной прихожей Паша, к большому своему изумлению, увидел совершенно незнакомых ему двух обозленных мужиков со следами побоев на остервенелых лицах. Мужики наскакивали друг на друга и свирепо бранились, а тесть то и дело дергал обоих за руки, грубо призывая к порядку. Лена тоже участвовала в этой неожиданной демонстрации и что-то верещала, силясь пинками направить к двери одного из воинственных незнакомцев. И только одно обстоятельство соответствовало Пашиным грезам – это плачущая Ира. Правда, плакала она не на Пашином плече, а перед зеркалом, в котором с отчаянием разглядывала вспухающий на лбу синяк. Теща с причитаниями подскочила к дочери, пытаясь о чем-то с ней договориться.

– Почему ты не хочешь вызвать милицию? – вскидывалась она на Иру.

– Да какую милицию, мама! У нас полиция!

– Ира! Не испытывай мое терпение.

– Мама! Ну он же нечаянно, я просто под руку попала, разве не ясно?

– Какие-то разбойники ворвались в квартиру…

– Мама, ну ты же его сама впустила, он же ко мне пришел! Он же мой… – Ира запнулась. – Он мой знакомый, пришел по делу. А этот вон – видишь – Ленкин жених, оказывается. – Ира с усмешкой взглянула на хлопочущую возле дебошира Елену, но сдержалась от отдельных комментариев в ее адрес. – Как видишь, это просто недоразумение… – добавила со вздохом.

– Что тут происходит?! – перекрикивая ругань, лай, плач и бурные объяснения, заорал Паша.

Волан пуще залился яростным собачьим кашлем.

– Вот полюбуйся, – пояснил тесть, придерживая драчунов за рукава курток, – явились какие-то два сумасшедших и в нашей прихожей передрались неизвестно из-за чего.

Мужики в ответ загалдели хором.

– Да я ж думал, что это он мою невесту подманил! – огрызнулся Ленин жених Миша.

– Я-то при чем! Пришел свою женщину забирать – а тут этот псих на меня, как сосулька с крыши! – возмутился праздничный Ирин мужчина.

– Да ты! Сам ты обсосок, козел, блин… – мгновенно завелся Миша.

– А ну стоять! Стоять! – рявкнул Пашин тесть, крепче подхватывая мужиков и рывком разводя их в стороны.

– Да это Мишка опять в своем репертуаре выступил, – вмешалась Лена. – Наверняка драку он и начал.

– Молчи уж! – буркнул Михаил. – От законного жениха к какому-то постороннему мужику сваливать – это у нас нормально, да?

– Ни к кому я не сваливала, – хмуро возразила Лена. – А от тебя ушла и больше не вернусь. Я твои выходки и так слишком долго терпела. Не хватало мне еще побои сносить.

– Какие побои! – скривился жених. – Один раз всего приложился, и то самую малость поучил, чтоб с чужими мужиками не шлялась.

– Ну поучил – получи результат. Я урок учла и к тебе больше не вернусь, – сказала Лена. – И вали отсюда, пока эти добрые люди полицию не вызвали в твою честь.

– Так, – вмешался тесть, обращаясь к праздничному Ириному мужчине. – А ты тогда какую женщину пришел отсюда забирать?

– Так я за Иркой пришел, – весело ответил неунывающий гость. – Ушла на пару дней, а неделю уже ее не вижу, и не звонит, и не пишет.

– Как это «за Иркой пришел»? – возмутилась Пашина теща.

– Да так! Она ж женщина моя.

Теща снова обернулась к дочери.

– Ира! Это что это, а?

– Ой, мам, не слушай ты, – отмахнулась заплаканная дочь.

Теща беспомощно перевела взгляд на Пашу.

– Паша, я уже совсем ничего не понимаю.

– Ну что тут понимать! Вам, конечно, это все Ира лучше меня разъяснит. Это же ее выбор.

– Ира! – воскликнула совершенно сбитая с толку мать.

– Мама! Ну хватит уже! Ну мало ли кто придет и что тебе скажет – ты что, всякому верить будешь?

– А теперь я не очень понял, Ириш, – встрял праздничный человек.

– Ой, да отстаньте вы уже все от меня, – отвернулась Ира, снова заливаясь слезами.

– Во, мужик! Понял? Как там тебя? – Человек-праздник, хмыкнув, пихнул давешнего врага локтем в бок. – Видал? Моя женщина меня не узнает. Твоя, я так понимаю, тоже как-то так от тебя не в восторге. А?

– Да дуры потому что. Курицы, – поставил диагноз бывший жених.

– И как же ты прав, брат! – прочувствованно подтвердил его недавний противник.

– А то! – прицыкнул зубом Михаил, дружески ударяя нового знакомца по плечу.

– Так пойдем, брат, выпьем за этих глупых женщин и за нашу мужскую солидарность.

– Пойдем, брат! – одобрил Миша.

Товарищески обнявшись, человек-праздник и покинутый жених отправились восвояси.

Лена, бормоча себе под нос что-то изумленно-неодобрительное, удалилась в свою комнату.

– Ира, ну ты мне объяснишь наконец, что тут у вас происходит, – снова подняла вопрос окончательно запутавшаяся Ирина мама, – и чего от тебя хотел этот странный человек?

– В самом деле, Ира, что у вас происходит? – поддержал жену отец. – Мы же думали, Паша набузил, а теперь вообще ничего понять нельзя. Павел, ну ты-то чего молчишь?

– Он молчит, – жестко откликнулась уже пришедшая в себя Ирина, – потому что я просила его вас не вмешивать. И давайте мы сами как-нибудь разберемся с нашей семейной жизнью.

Паша развел руками.

Волан тявкнул на Иру.

– Да когда мы в вашу жизнь лезли-то? – обиделась мама. – Мы только переживаем. Думали, Паша тебя обижает, а у вас здесь вообще не пойми что.

– Разберемся, – подытожила Ира, уводя Пашу в спальню.

Волан тявкнул и сел на хвост.

Отец с матерью переглянулись растерянно и тоже покинули прихожую. Собака, стуча когтями по полу, устремилась за хозяевами.

– Нужно уезжать, Юра, – грустно заметила жена.

– И то дело, – поддержал ее муж, – поедем отсюда, Люда, а то я тут с ними совсем с ума сойду.

*** * ***

Ира, которая уже несколько тяготилась милыми особенностями своего нового, праздниколюбивого, мужчины, уединившись с Пашей, приступила к вкрадчивым переговорам.

Для начала она погладила мужа по щеке, примерно так, как это недавно сделала при ней наглая Лена. И сказала, что он, по ее мнению, наиболее достойно вел себя во всей этой нелепой, как она выразилась, ситуации. Паша, который застал только финал «ситуации» и до конца ее так и не понял, не разделил Ириного впечатления. Кроме того, неожиданная ласка жены не доставила ему никакого удовольствия, по-видимому, потому, что показалась неуместной в том состоянии ошеломления, в котором он пребывал с момента, когда переступил порог своего теперь густонаселенного дома.

– О чем ты хотела поговорить? – уточнил он, чуть поморщившись.

– О нас, – развела руками Ира, словно речь шла о совершенно очевидных вещах. – О нас с тобой, Пашенька. Тебе не кажется, что это уже все как-то выглядит неестественно?

– Что? – изумился покинутый муж. – Что именно выглядит неестественно, май дарлинг?

– Господи! Ну неужели это и так не ясно? Наши с тобой отношения выглядят неестественными!

– Да-а?! – картинно изумился Паша. – Неужели! Ир, я уже вообще тебя не понимаю. Ты сама просила, чтобы я подыграл тебе для спокойствия твоей мамы. А теперь в чем-то меня упрекаешь?

– Я не упрекаю. Но теперь, когда родители здесь, – совершенно непоследовательно заявила Ира, – было бы очень кстати наконец-то решить наш вопрос в пользу сохранения семьи.

– Вот как? А как же твой вечный праздник, который, как я понял, удалился что-то праздновать? Ира, а вот ты объясни мне, что он пошел отмечать сейчас с тем вторым неадекватным типом – твой синяк на лбу? Свой порванный воротник? Новое знакомство, возникшее в процессе драки? Ты говоришь, сохранение семьи – а как же этот замечательный, светлый, весь такой позитивный человек?! – с издевательским пафосом воскликнул Паша.

– Ой, ну кончай паясничать. Синяк – это же случайность, и он пройдет. А вот мы останемся, – философски добавила непредсказуемая женщина. – Понимаешь, этот мой… ну он только на первый взгляд привлекателен, а как поживешь с ним – так видишь, до чего такие люди легкомысленны и ненадежны. Нет-нет, он совершенно не подходит для семьи!

– А я, значит, – зануда и клоун – для семьи вот самое то, да?

– Ой, Пашка, – Ира снизу вверх виновато посмотрела на мужа, выгнутым пальчиком водя по лацкану его пиджака, – ну что ты вспоминаешь. И вообще – знаешь, у всех свои недостатки. Но я теперь вижу, что твои мне все-таки больше нравятся.

– Ага. Больше, чем его, да? – уточнил Павел.

– Ну да. И вообще.

– И вообще… Какая честь для меня!

– Не скандаль, – строго одернула его Ирина. – Ты же не хотел, чтобы я уходила. Если бы я осталась тогда – то все время жалела бы об этом. А так я сама поняла, что ошиблась, и вернулась. Так что это, сам видишь, гораздо для нашей семьи лучше.

Паша молча сел на кровать. Он был в смятении. Вроде бы Ира была права. И вроде бы все складывалось так, как он хотел. Но он не испытывал ни радости, ни удовлетворения. Чувствовал только растерянность и не знал, что ответить Ире, как себя вести и чего он, собственно, теперь хочет. На его счастье, в дверь постучала теща.

– Ира, – уныло позвала она в приоткрытую щель, – выйди уже, мне поговорить с тобой нужно.

В прихожей мать грустно уставилась на дочь, так внезапно оказавшуюся не несчастной обманутой женой, а легкомысленной вертихвосткой, бросившей хорошего мужа.

– Ир, что ж теперь будет-то? – вздохнула она.

– Мам, ну ты-то о чем?

– Ну о чем о чем! Сама не понимаешь? Что ж, разойдетесь вы теперь с Пашей-то? Вот говорила я тебе, детей нужно заводить!

– Ха! – усмехнулась Ира. – И что?

– Был бы ребенок, тебе б небось не до баловства было!

– То есть ты хочешь, чтоб я была лучше несчастной, чем ушла от Паши?

– Так у вас с Пашей все? – воскликнула мать с отчаянием.

– Вовсе нет! Не переживай. Я как раз сейчас с ним говорила об этом. Думаю, я вернусь к нему.

– Ага! – реагировала мать недоверчиво. – Вернешься ты! Если он захочет.

– Куда он денется, – отмахнулась дочь.

– Ир, а если не получится?

– Ну тогда к тому вернусь. Ой, да, мам, ну не пропаду я, не бойся!

– Ага, не пропаду! – запричитала мать. – Пашка такой мужик хороший, и чего тебе не живется, дурында ты этакая!

– Мам, ну хватит. Разберусь я, не переживай.

– Ладно. Разбирайся скорее, да мы с отцом поедем. Мы ж думали, что ты… Эх! – махнула она рукой.

Тем временем Паша пытался обдумать предложение жены, но решение не приходило. Конечно, его прежде упорядоченная жизнь в последнее время стала такой нестабильной. И наверное, если помириться с Иркой, все опять устроится как было. Но в то же время он вдруг почувствовал, что ему почему-то не очень хочется снова жить с ней. А точнее – совсем как будто и не хочется.

Вернулась Ира. Дверь в их комнате осталась приоткрытой.

– Что скажешь? – спросила жена, садясь рядом на кровать. Вид у нее был решительный.

– Да как-то мне и сказать-то нечего.

– А я так думаю, – весело предположила супруга, – что ты ошалел от счастья, что любимая жена возвращается домой. Да еще и убедившись, что лучше ее мужа никого нет.

– А что, – спросил он, – у меня такой счастливый вид?

Она вздохнула.

– Честно говоря, не очень. Но это потому, что ты еще не до конца своему счастью веришь.

Паша молчал.

Между тем Лена из прихожей внимательно прислушивалась к доносящемуся из-за приоткрытой двери разговору супругов. Она сразу поняла, что грядет воссоединение семьи. «Ну вот и все», – подумала меланхолично. Опустив голову, она вернулась в комнату, медленным взором обвела свое пристанище, где жила уже несколько недель, и стала собирать вещи.

О том, чтобы вернуться к жениху, речи не было. Лена собиралась пока пожить у родителей и быстро подобрать себе съемную квартиру. Вскоре она вышла в прихожую, за ней катился чемоданчик с маленьким багажом. Из спальни показался Паша.

– Так, ты-то куда?

– Домой пока. К родителям.

– Здрасте! Это еще с чего вдруг?

– Паш, ну ладно, я же все понимаю. У вас теперь все наладится, а мне нужно самой уже как-то устраиваться.

– Подожди, Лен, что? Что у меня наладится? С чего ты взяла?

В это время в прихожую высыпали тесть, теща и Волан. Волан стучал когтями по полу, приплясывал, в нетерпении ожидая прогулки, и поскуливал.

– Паша, мы за билетами, – смущенно сказала теща. Теперь ей было совсем уж неловко общаться с оболганным ею и покинутым ее дочерью зятем.

– А-а, собрались, – неуверенно сказал Паша, неохотно отвлекаясь от разговора с Еленой.

– Ну ладно, Павел Евгеньевич, спасибо за приют, – Лена уже открывала входную дверь.

– Так что ж, Елена, дали-таки место в общежитии? – встряла теща.

– Вот именно, – радостно кивнула Лена. Дверь за ней закрылась.

Паша ушел в кухню и вызвал на телефоне ее номер. «Телефон абонента выключен или…» – донеслось до него. С досадой он сбросил вызов.

В прихожей показалась хмурая Ира. Паша побрел в спальню.

– Мам, пап, ну вы-то куда?

– Да хватит, дочка, погостили, – сурово буркнул отец. – За билетами мы. Смотри тут не заиграйся совсем.

– Ой, будет вам драматизм разводить, – посоветовала Ирина родителям. – Ну что случилось-то, а? Тот мой тоже ничего, привыкнете.

– Так ты все же к нему пойдешь? – спросила мать испуганно.

– Не одной же оставаться, – беспечно откликнулась дочь. – Подождите немножко, побегу быстренько вещи соберу, у меня тут не много, – и поеду обратно к затейнику моему.

– Ира, – снова испугалась мать, – ну ты хоть нас дождись. Мы, конечно, хотим сегодня же уехать, но вдруг билетов не будет! Что ж нам тогда Паше без тебя глаза мозолить…

– Ладно, – согласилась дочь, – тогда с вами на вокзал поеду, и вместе вернемся. А потом я соберу вещички и вернусь к своему. Раз Пашка, дурачок, так уперся.

* * *

Паша лежал на кровати прямо в костюме и галстуке, подложив руки под голову, и смотрел в потолок. Все было не так. И не так, как он планировал. И не так, как теперь хотел. Но чего он хотел, он и сам до конца не понимал. И тут вдруг его озарило: он хочет, чтобы был выходной и чтобы они с Леной сидели за долгим завтраком на кухне и ели блины.

Паша вскочил и кинулся снова набирать номер Лены.

– Алло! – откликнулась она. – Павел Евгеньевич, я видела ваш звонок, просто еще не успела перезвонить. Что-то случилось?

– Не понял, почему ты ушла.

– Что ж непонятного? Одно дело жить у вас, когда вы один, – и совсем другое, когда вы снова объединились с женой.

– Да с чего ты взяла! – Паша вскочил от возбуждения.

– Ну, во-первых, мне бы раньше сообразить, вы, в конце концов, давно уже в одной комнате ночуете. Я понимаю, что это планировалось как спектакль для родни. Но ясно же, что человек предполагает, а Бог…

– Какой Бог, Лена…

– Саваоф, – огрызнулась она. – Не знаю, какой там у вас. В общем, я дура, что осталась во всем этом участвовать. Просто обидно за вас было и хотелось хоть немного эту вашу Иру позлить.

– Лен, давай не об Ире, а о тебе поговорим.

– Давайте. Говорите.

– Лена, приходи обратно. С чего ты взяла, что я буду снова с женой жить? Да мы вообще разведемся с ней, это все уже не нужно никому.

– Но я своими ушами слышала, как вы договаривались, что «любимая жена возвращается»!

– Боже мой, Лена! Ни о чем таком мы не договаривались. Она сказала: давай. Я отказался. Ну, правда, подумал немного. Честно говоря, для меня это для самого новость, что я не хочу больше с ней жить. Зато сейчас это очень четко понимаю. Так что, как видишь, я по-прежнему свободный мужчина. А можешь считать – брошенный, если тебе так приятнее меня опекать и поддерживать, – улыбнулся он. – Ну, в общем, я тебя приглашаю в ресторан, – закончил Паша свою речь.

– Согласна. Куда приезжать?

– Ну не с чемоданом же в ресторан отправимся. Так что давай сначала обратно, с вещами.

* * *

Они валялись в Пашиной постели и обсуждали свою прошлую совместную жизнь. Вечер настолько удался, что, по возвращении из ресторана домой, Паша и Лена так и набросились друг на друга с довольно неожиданной для них обоих любовью. А теперь это маленькое и приятное сумасшествие казалось им совершенно естественным. Теперь они удивлялись, что совсем не смотрели друг на друга под этим углом, живя так долго бок о бок. С другой стороны, им так приятно было вспоминать сейчас те дни, что они говорили взахлеб и то и дело перебивали друг друга – «а помнишь, помнишь…».

– …Да ты такое представление Ирке устроила, я тебя прямо не узнавал…

Они расхохотались, вспоминая.

– Кстати, боялась, что ты не подыграешь и сорвешь мне все шоу. А очень хотелось позлить ее. У-у… – Лена воинственно потрясла кулачком: – Отомстить за тебя хотелось!

– Да я не подыгрывал, Ленк. Просто ты так меня удивила, что я упустил последние остатки инициативы. Вот и прикинулся мертвым.

– М-м, получилось так натурально. Типа ты не очень хочешь участвовать в бабских разборках и пусть женщины сами выясняют отношения. Именно то, что мне было нужно.

– Я вот смотрю на тебя и думаю: какая же Ирка умница!

– И это все на мне написано?

– В общем, да. Я ей ужасно благодарен. За то, что меня бросила. А то бы не видать мне тебя как своих ушей.

– А мне последнее время страшно не везло с мужчинами… Ну ты видел образец.

– О да! Жалею только, что не накидал этому образцу за твой тогдашний синяк. Поздно пришел, пока разобрался что к чему, те два психа уже смотались. Ну ничего, может, еще представится случай.

– Да ладно, – хихикнула Ленка, – он же тоже наш благодетель. Не известно, сколько бы я еще с ним тянула. А так разок поучил – и развязал. – Она снова засмеялась.

– Веселая ты у меня, – сказал он, целуя ее в щеку. – А я зануда, – вздохнул.

– А знаешь, – Лена приподнялась на локте и, сощурясь, смотрела на Павла, – это уже не смешно.

– Почему? – Павел опешил: настроение Елены явно переменилось.

– А мне не нравится, что ты лежишь в постели со мной и думаешь о ней.

– Да ничего я о ней не думаю! Вообще о ком, собственно? Что ты такое сочиняешь, Ленка. – Он попытался ее обнять. Она отстранилась.

– Паш, я серьезно. Зачем ты ее опять процитировал?

– Да я шутил же, ну, Ленк! Ну брось!

– Хорошо. Я бросила. А вот ты? Ты-то бросил? Сам-то ты уверен, что поступаешь именно так, как хочешь? Уверен ты, что она тебе *точно* не нужна?

Паша сник и примолк.

– Лен, для меня ж все это для самого новость, понимаешь? – сказал наконец. – Ну какая может быть уверенность?

– А тогда я не понимаю, что я-то тут делаю. – Она встала и начала одеваться.

– А что ты тут делала неделю назад? – рявкнул Паша уже обозленно. – Две недели? Три? Лен! Ты зачем все сейчас усложняешь, а? Я просто пошутил. Ну пусть неудачно – но это шутка! И все! Что ты хочешь, чтобы я тебе сказал, что?!

Она застегнула молнию на джинсах, поцеловала его в лоб. Он смягчился.

– Лен, ну ведь было все хорошо. Давай не будем чего-то придумывать, а просто будем жить, как жили – только еще лучше. Я же к тебе ну совершенно особенно отношусь.

Она задумалась.

– А как – особенно?

– Ну… Как к человеку… В общем, как к очень близкому мне человеку. И я хочу, чтобы ты жарила блины в выходной на завтрак и чтобы мы с тобой их вдвоем ели и разговаривали обо всем.

Лена опять задумалась. Потом не торопясь сняла джинсы, разделась и легла обратно в постель. Паша облегченно вздохнул.

– Лен, а ты что – вот так бы и ушла? Вот взяла бы сейчас – и уехала от меня?

– Не знаю. Я, похоже, к тебе лучше отношусь, чем ты ко мне. Как оказалось… И в этом все дело.

– Так и я лучше, Лен! Ну не заморачивайся ты, ладно? Нам же хорошо было – и это еще тогда, когда ничего у нас и не было. Мы ж друг друга в полевых условиях уже проверили – в быту! А это обычно для всех самая засада и есть! А у нас с бытом все нормально. И даже хорошо.

– Ну да… Даже отлично.

– Даже потрясающе.

– Даже офигительно.

– И даже фантастично! – добавил Паша, гладя Лену по животу.

– И даже так, как никогда ни у кого не было… – едва прошептала Лена, обнимая его.

– И та-ак, как будет то-олько у на-ас, – слегка задыхаясь, Паша завершил этот обмен мнениями, потому что ясно было, что понимание достигнуто и у них с Леной уже есть другое захватывающее и неотложное занятие.

Из пункта А в пункт Б…

Лето уже подбиралось к августу, а Оля все еще не успела осознать его вожделенную прелесть. Вот если бы поехать куда-нибудь, отдохнуть… Но на это рассчитывать не приходилось. И главное, то и дело сочились, а порой даже бурно изливались дожди. Просыпаясь по утрам, она видела небо снова мрачным, наступление *настоящего* лета опять откладывалось, и настроение почти неизменно держалось на нуле. Что-то случилось, что-то сломалось в душе, а она и не заметила этого момента, не услышала щелчка, не поняла причины.

Еще недавно казалось, что все лучшее впереди: в свое время – разумеется, в недалеком будущем – начнется жизнь действительная, полная сюрпризов и головокружительных достижений. И потому неудачи Оля всегда принимала в общем-то спокойно.

Легко рассталась с мужем, не собираясь тащить в неизбежно прекрасное будущее груз предварительных ошибок. Без особых раздумий сошлась с человеком, имевшим репутацию неисправимого ходока и авантюриста; и было не жалко расточать себя в ежедневных мелочных битвах – ведь это пока!.. Автодорожный институт закончила с легким отвращением, но ей представлялось, что и нелюбимая профессия – дело временное. Работу меняла без затруднений, не заботясь о карьере… А сколько увлечений забросила! Все было точно начерно, в ожидании пока смутного, но обязательного счастья.

И вдруг оказалось – Оля неожиданно почувствовала это, – что жизнь, собственно, давно началась и полным ходом мчит ее через зрелость к старости, а законное ослепительное счастье все не воцаряется. Оказалось, что время-то движется по прямой, неумолимо увеличивая возраст, а траектория жизни, с ее достижениями, нарезая бессмысленные петли, а то и сонно топчась на месте, совершенно безнадежно отстает.

И стоило это заметить, как нажитые неприятности, проблемы, болезни показались непоправимыми, неразрешимыми, неизлечимыми, успехи же – ничтожными. Но когда именно пришло такое убийственное осознание и по какому поводу, Ольга не могла припомнить.

А ведь совсем еще недавно… Школа, выпускной класс, она – хорошенькая, одаренная способностями, веселая… И вот двадцать лет минуло, как не бывало! Да куда же девается все лучшее? И почему это сначала блага достаются как бы бесплатно, а потом оказывается, что за все нужно платить?.. Она давно не чувствовала в себе исключительности, так веселившей в юности. И случайного мужского внимания уже не объясняла романтическими причинами: все оказывалось буднично-просто и скучно, без праздника и загадки.

«Интересно, а как он сейчас выглядит? – думала Оля про Сашу Пшеницына, автоматически двигаясь с работы домой. – Судя по всему, мужик в порядке. Надо же… В школе был просто шутом. Маленький такой, круглолицый… И какие-то там еще чувства! С ним это абсолютно не вязалось. Как все странно…» – заключила она, склонив голову набок, улыбаясь и по-прежнему, по-тогдашнему, сияя глазами.

Она не ошиблась. Саша действительно был в полном порядке: стал военным, как отец, делал карьеру, обрастал имуществом. С детства понял, что не нужно ничего выдумывать: все уже выдумано. Ведь это просто, как в математической задачке: из пункта А *в пункт Б* вышел человек. Ну, вышел – и иди себе в пункт Б бодрым шагом! А сворачивать туда-сюда – только время потеряешь… Нет, в карьере Пшеницына-младшего все разыгрывалось как по нотам.

Родители даже выбор супруги для сына не пустили на самотек: заранее высватали ему в жены дочь дяди Гоши – отцова сослуживца, друга и старшего по званию. Нареченных, которым было тогда лет по пять-семь, посадили рядком, весело поздравили, и закрепили сговор добрым возлиянием. Сидя за столом в день «помолвки», Сашка от души ущипнул свою суженную, а Света с чувством укусила жениха. Но за годы, прошедшие до свадьбы,

им успели разъяснить преимущества этого брака. Зато уж и тесть не подвел, маршрут зятьку проложил надежный: заграница, академия, генштаб… Звания не задерживаются, в должности не обходят, благами не обносят. И семья в порядке: жена упакована, два сына зреют, теща довольна.

«А интересно, как она сейчас выглядит, – думал Саша, осторожно выезжая из гущи машин со служебной парковки. – Понаставили тут… – Автомобиль плавно вырулил на дорогу, развернулся. – Нет, раньше такого бардака не наблюдалось: тесно, как на кладбище». Он включил магнитолу; привычный музыкально-говорильный фон привел в порядок мысли. «Да… не могу представить ее другой! А должно быть, изменилась, все же двадцать лет прошло… Что там Светка-то просила купить?.. А голос у нее прежний, – подумал снова об Оле. – Звонкий, насмешливый. Ох, и язва ж была, прости господи! Артистка… Удивилась вот, что я полковник… То ли еще будет», – он улыбнулся: ему приятно было ее удивление.

Как безнадежно он любил ее в школе! Никаких шансов – не то, что на взаимность – хоть на крошечный интерес. Точно его, Саши, и не было вовсе. Но он таки существовал! Она должна была заметить! И что ему оставалось? Шутом – так шутом. Очередная дурацкая выходка, общий смех – и внимание Ольги на пару минут обеспечено.

Саша строил глупейшие рожи, с грохотом падал на ровном месте, имитировал внезапный сон на уроке: сладко всхрапывал, валясь головой на парту. Однажды принес в класс дохлую мышь… Раз «оживлял», дергая за сухожилие, выставленную из-под парты куриную лапу; лапа хватала воздух желтыми сморщенными пальцами, вызывая хохот одноклассников и ужас учителей… Но устойчивого интереса со стороны Оли ему так и не перепало.

И вот, спустя двадцать лет, он впервые внимал ее радостному возбуждению, удивленно прижимаясь ухом к телефонной трубке, и ликовал про себя, точно им все еще было по семнадцать. Стало быть, не зря же взялся организовать эту встречу одноклассников, не зря стал разыскивать ребят!.. Он весело напомнил ей, как страдал в десятом, а она словно удивилась и отнекивалась, но, в общем, была благосклонна. И домой с работы Саша пришел в особенно хорошем настроении, а садясь за ужин, в который раз сам с собой соглашался, что это здорово, когда живешь по четкому плану – даже невозможное становится достижимым!

Он принялся звонить ей каждый день, совещаясь о намеченном мероприятии, и постепенно начал испытывать знакомую робость… Наконец состоялась долгожданная встреча их выпуска. И, хотя Ольга действительно изменилась и располнела, Саша застыл благоговейно, едва только ищущий взгляд его наткнулся в толпе на бывшую возлюбленную. Подумал, что глаза-то у нее блестят по-прежнему.

Одноклассники наперебой благодарили Пшеницына за общественно-полезную активность, восторгались изобретательностью и неутомимостью, проявленными в поисках товарищей. Сам Пшеницын лез из кожи вон, стараясь произвести впечатление («Реванш», – формулировал еще дома, нежно поглаживая полковничьи погоны). Но в то же время ловил себя на мысли, что если бы *она* ушла, куда-нибудь исчезла, то вся эта возня с реваншем мгновенно потеряла бы для него смысл.

На другой день снова ей позвонил. Вроде для обсуждения вчерашнего. Потом решился – заговорил о свидании, пригласил в гости. О боже! Как она это примет? Как примет…

Откуда ему было знать, что Оля давно ожидала от него хоть какой-то инициативы. И жизнь приучила однозначно понимать подобные приглашения: «Ну и слава богу, – решила удовлетворенно, – дозрел-таки до интима». Что ж? Она свободна, устала от неустроенности – почему нет? Это раньше сказала бы, не задумываясь, что Сашка не в ее вкусе. О, все это было раньше, когда-то… А теперь она спрашивала себя: ну а кто в твоем вкусе, радость моя? Коля Юзов? Так поздравляю: спился твой Коля окончательно, даже на встречу с одноклассниками не явился.

Да уж, с годами смазливость, и лихость, и хамоватая бойкость утратили прежнюю привлекательность. Теперь она жаждала стабильности и покоя, которых не было в ее жизни и которые излучал Пшеницын. От максимализма не осталось и следа. В ее отношении к мужчинам бессменно поселилась снисходительность.

А Саша был счастлив. *Она* посвятит ему целый вечер! И может быть… Но воображение дальше идти не отваживалось. Он не очень себе представлял, как можно было бы соблазнить Олю. Хорошо бы, конечно, но… Нет! Не приведи бог обидеть ее и все испортить!

* * *

…Он суетился у стола, она рассматривала альбом. Перелистывала страницы и надеялась прозреть на фотках признаки скрытого семейного неблагополучия. Но с фотографий рядом с Сашей смотрела женщина, довольная жизнью и собой. Глядя на нее, Оля напрягалась, отчаянно стараясь придать лицу выражение равнодушной иронии… Вот здесь его мадам выглядит такой толстой и старой… А здесь они оба имеют недовольный вид… А вот тут лицо у нее глупое, и он смотрит на жену скосив глаза: ничего хорошего не обещает этот взгляд.

Ах, она понимала, что невозможно создать прочного самоуважения, коллекционируя минусы ближних! И не нужно сравнивать себя с другими, не нужно… Она знала это, знала, но… Снова и снова привычное малодушие не избалованной счастьем женщины заставляло черпать душноватое утешение в чужих неудачах и промахах. Оля добросовестно отыскивала недостатки в наружности Сашиной жены, старалась уловить в выражениях лиц какие-нибудь свидетельства несложившегося брака.

Сашка хлопотал у стола, а она все ждала, когда он начнет приставать. Но он не приставал.

– Ялта, – комментировал Саша, на бегу заглядывая в альбом. – А это на даче в прошлом году… Опять в Ялте… На юбилее у тещи… Снова Ялта…

Сели ужинать. «Или я ему совсем не нравлюсь? – растерянно думала Оля. – Тогда зачем приглашал? А может, смущается? Ладно, выпьет – разойдется…»

Вино подействовало на обоих. Оле позволило освоиться, перестать напряженно ожидать сближения; Саше помогло расслабиться и добавило находчивости в разговоре. Хорошо было сидеть вдвоем, в романтичном свете настольной лампы, погружаясь в казавшееся теперь сплошь трогательным школьное прошлое.

– …Сколько слез из-за тебя пролил, – говорил он, – ужасно вспомнить.

– Да что ты! – она округляла глаза. – Вот уж никогда бы не подумала! – У нее теплело на душе. Двадцать лет назад его признание лишь слегка пощекотало бы самолюбие, пресыщенное многочисленными женскими успехами; сейчас оно было бесценным.

– Часами сидел на детской карусели во дворе, смотрел на твои окна. В них зажигался свет, кто-то ходил в глубине комнаты…

– Но почему я ничего не знала? – спрашивала она мягко.

– А как бы ты отнеслась?

Оля смутилась и улыбнулась.

– Потому и не знала, – подытожил Саша. – Если б надежда была, я бы пытался ухаживать. Но ты смотрела в другие стороны.

– Да… Глупые были… – Оля снова улыбнулась благодарно. – Как сейчас-то живешь? Счастлив? – спросила, смутно надеясь, что в ответ он махнет рукой, даст понять, что жизнь без нее не сложилась.

– Нормально, – сказал Пшеницын и удовлетворенно обвел глазами семейное гнездышко. Во взгляде появилась горделивая самоуверенность, которую она заметила еще на

школьной встрече. – Сама видишь: ничем не обижен. Полковника получил раньше других, должность – дай бог всякому. Нормально, в общем.

– А почему… на фото сплошная Ялта? – спросила она, подавив разочарование.

– Так мы там каждый год отдыхаем в июле.

– Каждый год! – воскликнула Ольга. – И всегда в июле?! Не надоело? – Она не была вполне искренней: самой-то не часто удавалось бывать на море. Лет пять-шесть уже совсем никуда не ездила, как-то не получалось. А другие вот, значит, каждый год…

– Почему надоело? – удивился Пшеницын. – Наоборот! Очень удобно, никаких хлопот. Ведомственный санаторий, отличное обслуживание. У меня и батя с матерью всю жизнь там… Нет, ты зря.

– Послушай, но как это можно так жить, когда все расписано? – завелась она, неожиданно даже для себя. – Все предсказуемо, как в гороскопе: с одной и той же бабой, в одно и то же место… и время… Ты извини, конечно, но все так… убого!

Он помолчал.

– Да? – спросил, как бы раздумывая. – А что плохого?

– Что? Да скучно! – бросила Ольга, еще глубже проникаясь сознанием собственной правоты. – Я б от такой жизни удавилась.

– И-эх, – Саша вздохнул после паузы, – а я вот не удавился. – Он смотрел на нее виновато и растерянно, точно просто не знал, что нужно было удавиться, а то бы обязательно.

Она с облегчением рассмеялась.

– Сань, ну как же оно все-таки – жить по регламенту? – спросила миролюбиво. – Вот женили тебя, даже погулять не дали…

– Да это все наверстывается потом, – вставил Пшеницын.

Оля вскинула брови, но продолжила.

– Ну, допустим… И все же. Женили, на ком хотели, не спросили, профессию выбрали, карьеру сделали… Да еще и работа такая – все время под козырек бери. Как ты так живешь?

– Как живу? Хорошо живу. Все есть. А будет еще больше, потому что… Потому что надо уметь жить! Вот у меня заранее все спланировано и никаких уклонов в стороны. А в жизни, Оль, – как в математике с физикой: есть условный путь – прямая, и есть траектория – ломаная. Есть кратчайшее расстояние: от задуманного – до реализации, от точки А до точки Б, а есть реальный маршрут, со всеми поворотами и заминками. Понимаешь? Вот – цель, а вот тебе дорога к цели. Чем она прямее, тем лучше… Понимаешь? Есть задуманный путь – а есть сама жизнь, как она сложилась от старта до финиша, та самая траектория, – увлеченно втолковывал Саша. – И чем она ближе к кратчайшему пути – тем правильнее жизнь сложилась. Она, конечно, ломаная, но чем в целом прямее – тем вернее ты идешь к цели. А то вот иной намечтает себе разного – а живет как попало. По-дурацки живет, все время мимо, мимо собственных планов. А у меня, Оль, линия цели и линия жизни практически совпадают. Понимаешь?

Она молчала. Он еще пояснил:

– Я живу так, как хочу. Как собирался жить – так и живу.

– Да разве ты собирался-то? Все ведь знают, что тебе папа с мамой нашаманили – все, вплоть до невесты!

– Ну, это безразлично: родители детям плохого не пожелают.

– И что, – задумчиво спрашивала Ольга, – хочешь сказать, что твоя жизнь… траектория эта твоя – удалась?

– В общем, да. Потому что с прямой дорогой к цели совпадает.

Оля попыталась углубиться в размышления, даже брови свела на переносице. Но думать не хотелось. Она встряхнула головой.

– Так, а что ты там говоришь про прямую? – уточнила машинально.

– Прямая? Ну смотри: каждый к чему-то стремится. Хотя бы приблизительно представляет себе, как должно все сложиться. Вот тебе пункт Б – цель. Когда мы ее намечаем, мы находимся в пункте А. Допустим, я всегда знал, что буду генералом. Вот от меня, тогдашнего пацана, до генерала условный путь – прямая АБ. Но жить я при этом, в принципе, мог и с большими отклонениями. Даже и в совершенно другом направлении двигаться, многие так живут. Только это не для меня. Я иду верной и короткой дорогой. Да и цели ставлю реальные… Чем плохо-то, Оль?

– Да-а… – уныло промолвила Оля, разомлевшая от вина. – А я вот не иду.

Сашина мысль явилась ей в виде большого тяжелого ядра, совсем круглой, и именно оттого почему-то чрезвычайно убедительной. Конечно, она тоже может намечтать себе всякого, и даже всегда этим занималась, но при чем здесь реальная жизнь? Жизнь-то все равно складывается как-то сама собой, от мечтаний совершенно отдельно…

Они помолчали.

– У меня так не получается, – вздохнула Ольга. – Я просто живу. Я – воздушный шарик, меня ветром носит.

Саша не знал, что ответить. Собственное мироощущение представлялось естественным и бесспорным. Экзистенциальные сомнения его никогда не посещали. А образ воздушного шарика выглядел искусственным, не имеющим смысла.

Он подумал и включил магнитофон.

«Надо его ободрить», – решила Ольга, вспомнив об ожидаемом приставании.

– Потанцуем? – улыбнулась призывно.

– Есть! – реагировал полковник, поправив галстук.

Однако и в танце он не позволил себе лишнего и обнимал Ольгу не более интимно, чем древко знамени на плацу…

Было поздно. Пшеницын так и не оправдал некоторых сокровенных ожиданий, но Оля все равно осталась довольна: особое женское чутье подсказывало ей, что Сашина детская любовь не прошла, – и она была благодарна.

– Мне пора, – сказала, вздыхая. – Я пойду.

Саша заерзал на месте, встал и снова сел.

– Подожди… Давай выпьем, – предложил, чтобы что-нибудь предложить. – Послушай, тебе обязательно ехать? Собственно… Можешь переночевать и здесь, – добавил он, краснея и проклиная себя за этот привет из юности. – Я тебе в спальне постелю, а сам…

– Вообще-то, Юлька, дочка моя, с мамой сейчас, но… Завтра ведь на работу, – осторожно заломалась Оля, в действительности давно и на все согласная.

– Утром отвезу, – предложил он смелее…

Она вышла из ванной в его халате – в спальне белела постель.

«Ну, слава тебе господи, – подумала, скромно опускаясь на край кровати, – кажется, намечается-таки сдвиг в сюжете».

Но стойкий Пшеницын не обнаруживал никаких нескромных намерений.

– Ты не бойся, – произнес он заготовленную фразу, – я в другой комнате устроюсь.

– Да я и не боюсь, – сказала она, глядя себе на коленки.

– Пойду в душ… – сообщил он нерешительно, точно это требовало обсуждения.

Она лежала и ждала. Из душа долго лилась вода. Потом Оля прислушивалась к его затянувшейся возне – в ванной, затем в кухне. Дверь спальни была приоткрыта. Она позвала жалобным голосом:

– Саша! Ты скоро? Я тебя жду!

– Скоро, скоро… – донесся глухой ответ.

Она подождала еще и воскликнула протяжно:

– Иди ко мне!

Он вошел, тоже в халате, и остановился у двери. Оля села, не стесняясь наготы, поманила руками.

Саша подошел, все еще не решаясь, медленно снял халат и остался ни в чем. Медленно залез под одеяло… Было жарко. Оля сбросила одеяло на пол, он обнял ее и нежно-нежно стал целовать.

* * *

Пшеницын оказался на высоте. Было с чем сравнить. Все произошло неторопливо, со вкусом, без блеска и головокружения, но именно так, как должно было быть… Они уснули не скоро, проснулись вместе. И только утром Оля обнаружила на диване в соседней комнате действительно разобранную постель, напрасно прождавшую хозяина всю ночь и сиротливо белевшую среди нарядной мебели.

* * *

…Сидя за рабочим столом, Оля не замечала снующих вокруг сослуживцев. Монитор давно погас, по темному полю экрана проплывала надпись заставки: I love you… I love you… Оля покачивалась на стуле, задумчиво разглядывая желтые розы, подаренные Сашей.

Сотрудницы, видевшие Ольгу с букетом выходящей из машины, были заинтригованы. «Интересный мужчина», – согласились некоторые. «Врут, – она подумала. – Карпов был получше, а не хвалили… Хотя…» Она представила себе бывшего своего гражданского мужа и поморщилась. Вечная щетина, опухшее лицо, брюки мешком… А из машины-то не выходил – вываливался! И не даме помочь выйти, на заднее колесо поглазеть: что там барахлит. А тут – Сашка! Костюмчик с иголочки, шикарный парфюм, дверцу галантно распахивает… Чего там! Отдыхает Карпуша!»

Оля любовалась цветами и вспоминала о прошедшей ночи. «Интересно, что он теперь станет делать? Развода добиваться? Вообще-то, не похоже: такие не разводятся. Ведь карьера! А совместно нажитое имущество? А наследники?!» Она задумалась. «Выходит – *так* будем встречаться? Если только он не похерит на фиг эту свою *траекторию*…» – подумала, сладко потягиваясь на крутящемся стуле.

А Пшеницын рулил на работу и, привычно ведя машину по знакомому маршруту, тоже думал об Ольге. Вот и сбылось… И ничего странного. И так всегда бывает, когда живешь по четкому плану: всего можно достичь, любого успеха! Ольга этого не понимает… А вот Светка понимает. Светка, конечно, амеба – но при чем тут одноклеточные? Светка – это база. Это… Жена должна быть опорой карьеры, еще лучше – ее гарантией! «Жаль, что Оля так доступна», – вздохнул он, сыто улыбаясь. И подумал, что она, наверное, не раз отдавалась вот так, с первой встречи, разным мужчинам. А впрочем… Как бы то ни было, ничто не замутит для него ясности горизонта.

Саша подъезжал к конторе, и ночные воспоминания все определеннее вытеснялись планами предстоящего дня. «Соловьевцы не получат заказ на платы, это окончательно… Хм! Смешная Олька: говорит, скучно живу… А она ласковая… – Он улыбнулся размягченной улыбкой и тут же снова вспомнил о делах: – А Смирнову сказать, чтобы сворачивал все завязки по «Олимпу», обойдутся!..»

Оля смотрела на букет и не могла себя заставить заняться работой. Машинально щелкала клавишей, освещая экран дисплея, но была не в состоянии сосредоточиться на диаграммах. Начальница несколько раз напоминала ей о служебных обязанностях – но Оля ничего не могла с собой поделать.

…Саша позвонил через три дня.

Чего только не передумала она за это время! Подозревала несчастье: попал в аварию, серьезно заболел… Не могла лишь представить себе, что Сашке было не до нее.

Не хотел надоедать, – невозмутимо объяснил полковник. – Да, думаю, и ты не сидела у телефона в ожидании. Так ведь? Поклонники, свидания, объятия! Небось и дома-то не ночевала? – предположил под видом шутки.

* * *

… – Ну почему я такая несчастная! – горевала Оля, специально явившись за этим к лучшей подруге Полине. – Вон люди – каждый год к морю! Дом – полная чаша! А тут… Ловишь-ловишь жар-птицу, скажи, Поль? – а в результате оказываешься со всеми своими притязаниями все в той же глубокой ж…пе!

– Да, Олька! Все за грехи нам! – привычно обобщила ее случай Полина. – Смолоду сильно переборчивые были, много людей обидели.

– Нет, ты подумай! – возмущалась Оля. – Не звонил три дня, объявился, только чтоб потрепаться… Душевности – ноль. Планов никаких. И еще намекает, будто у меня рота мужиков!

– Ну, что ж, – резонно заметила Поля, – просто перенес ваш опыт на весь твой образ жизни. Вообще говоря, с чего бы ему думать иначе? Он же не идиот. Согласись, приписать твою безотказность исключительно собственной неотразимости – у него нет оснований.

– Ты думаешь? Но с какой стати он меня ревнует? У самого жена и двое пацанов… Ведь ревнует?

– Натюрлих!

– И главное, что обидно, – томилась Ольга, – ведь я уж готова была оценить его, прямо скажем, неброские достоинства. Ну, пусть не жар-птица, бог с ней! Пусть такой вот пингвин в погонах. Так нет же! И пингвин приписан к другому ведомству! – она всплеснула руками. Полина засмеялась. – У него, видишь ли, траектория! И как тебе эта бредовая теория?

– Не такая уж она бредовая. Даже довольно изысканно для нашего полковника, – хладнокровно заметила подруга.

– Нет, но почему мы не можем жить, как они – скучно, но безошибочно? Нудно, но стабильно? – Ольге хотелось увериться, что Саша, в сущности, живет плохо, только не решается себе в этом признаться. – И почему ж это моя траектория не ведет к цели?

– Да ты ее имеешь – цель-то? – огорошила Полина. – У тебя ж, Оленька, не цели, а мечты, и самые бесформенные. А мечта что? – дым! Вот полковник зацепился за почтенное место, звездочки на погонах отращивает. А ты всю жизнь желаешь мир удивить, но до сих пор даже не придумала, чем бы именно. Никак не определишься. А реальная-то цель, хоть одна, у тебя имеется?

Оля недобро посмотрела на подругу, вдруг принявшую сторону этих зануд с их правильными траекториями.

– Отсюда вот и уши растут! – подвела итог Полина. – Нет цели-то, нет! Полковник идет коротким путем, потому что знает куда. А ты не знаешь – вот и блуждаешь, как в потемках.

– А ты, интересно?

– Да та же фигня! – Полина беззлобно отмахнулась.

Оля обмякла и погрустнела.

– В последнее время, – сказала потерянно, – угнетает чувство бессмысленности… всего… Понимаешь? Вот в чем, например, смысл этого пересечения? Ну в чем?

– Да черт его знает! – задумчиво отвечала Полина. – Ну, может, Провидение ему такую награду послало… За благонравие, за терпение… Молодец, мол, Сашок, давай так и дальше.

– А я у Провидения что – падчерица, что ли? Почему оно обо мне не печется?

– Видать, не заслужила… Да еще заслужишь! Брось расстраиваться, ты ж его не любишь.

– Нет, конечно, – согласилась Оля. – Но, знаешь, обидно как-то: вроде вариант этот уже и подошел бы – в постели, и вообще… Я как-то даже и настроилась. А с другой стороны, – размышляла вслух, – будь он свободен – это был бы не он: не бывают *такие* холостыми. А занятый он безнадежен, тоже ясно… То есть что получается? Теперь я согласна – так он не может, а раньше он бы всей душой – да я ни за что на свете… Ну и зачем тогда все?

Она грустно смотрела мимо подруги, не ожидая ответа.

– Понимаешь, в школе-то я в принципе не могла оценить его преимуществ. Ну, не очень они заметные, что ли, – заговорила снова, точно извиняясь в собственной близорукости. – А я была девушкой яркой, многим нравилась… Вроде мезальянс получался. Что ж? До осознания ведь тоже дожить надо! Попробовать более привлекательные варианты, разромантизировать их, нахлебаться, остаться одной – тогда уж все переоценить.

– Да, может, еще получится у вас, – осторожно предположила Полина, утешая.

– Вряд ли! – вяло отмахнулась Оля. – Говорю же: теперь это почти так же невозможно, как тогда: такие не бросают жен и не якорят себя долгими связями. Чтоб никто на ногах не вис, когда они бодро к цели топают, – добавила желчно, вместе с тем понимая, что ей, в сущности, обижаться не на что.

…Ольга брела домой и думала все о том же: о бессмысленности пересечения траекторий. По крайней мере, для нее. Она чувствовала, что силы небесные ее как будто потеряли на земле. А может, она сама давным-давно сбилась с пути. Увлеклась, наверное, радостью бытия. Увлеклась, как тетерев на току, – да и попалась. Забыла, что вечной радости не бывает, забыла, что судьба потребует расплаты… Оказалась не готова.

В юности почему-то кажется, что жизнь обещает непрерывный праздник. А потом становится ясно, что никто тебе, собственно, ничего не обещал. И тот аванс в виде молодости, красоты, ничего тебе не стоивших успехов нужно было вложить в дело. А если ты его промотал жалким образом – твои проблемы.

… – Наконец-то, – обрадовалась мама ее возвращению. – Тебе какой-то парень обзвонился, Саша, кажется. Из вашего класса. Ты позвони ему сама-то.

– Да поздно уже, мам, – зевая, сказала Оля. И пошла раздеваться, чтобы скорее уснуть.

Но раздался звонок.

– Ой! Да это какие же мы отважные сегодня! – воскликнула она язвительно. – Такой, значит, маленький отважный Пшеницын! Пшеницын такой бесстрашный! Это мы что же, значит, звоним прямо из супружеской постельки, да?

Саша хохотнул нехотя, маскируя всегдашнее отсутствие находчивости. Потом сосредоточился и сказал:

– Я-то из супружеской, хотя жена, в общем, на даче. А вот ты где была? Просто удивляюсь, что домой вернулась, думал, там уж и останешься.

– Где это там?

– Тебе лучше знать – где. Небось умоталась, бедняжка! Ты бы поберегла б себя, Оль, а то все ж таки возраст…

– Пшеницын, а что ты несешь, – перебила она его. – Твое-то какое дело? Да где бы я ни была… – Оля собиралась выступить принципиально, с вызовом подтвердить его подозрения. Но почему-то вдруг сменила лейтмотив на противоположный и возмущенно воскликнула: – Я что ж, по-твоему, – девочка по вызову?! – «Впрочем, давно я уже не девочка, а баба под сорок, и *вызывать* меня, увы, некому», – додумала про себя и вдруг произнесла опять другим, неожиданно задушевным тоном: – Пшеничкин, а ты бы мог бросить все и на мне жениться? – Внутри у нее похолодело. Она и сама не ожидала от себя такого ва-банка.

На том конце тоже повисло мучительное молчание. В голове полковника, словно в темном тумане, пронеслись новая сантехника, почти достроенная дачка, суровые брови тестя-генерала, битком набитая парковка, лица жены и детей, золотые погоны и семейный фотоальбом…

Первой не выдержала Ольга.

– Во дурачок, – сказала. – Ну, что напрягся-то? Я ж шучу! Просто на понт тебя брала, глупый. Расслабься, милый… – пропела нежно, потому что с того конца по-прежнему не доносилось ни звука. – Твоя траектория в безопасности! Ладно, поздно уже, – добавила, принужденно зевая. – Завтра позвони… Спать хочу – умираю! Просто умира-аю… – заключила, изнемогая от ставшей уже привычной жалости к себе, и уронила трубку.

На другой день Пшеницын ехал на дачу к семье, думал о сыновьях, думал о планах Светки строить сауну с бассейном… И гнал от себя мысли об Оле. Нет, он слишком расслабился, слишком… Это ж надо – до чего дошло! Вот так-то с пути и сбиваются, так и сойдешь с маршрута, петель нарежешь, а потом оглянешься – и концов не сыщешь, а уж наплел, напортил! Нет, нужно, нужно контролировать, в руках держать себя нужно и контролировать… И нельзя все время отвлекаться! – резко заключил он, осторожно выворачиваясь из-под неторопливо ползущего впереди широкоплечего рефрижератора.

И Оля ехала на дачу. В электричке удалось занять место на лавочке, и она, никем не толкаемая, тоже плыла по течению собственных мыслей. Оля думала, что это удивительно, как могла она всерьез размышлять об этом робком пингвине, об этом неуклюжем и тягучем семьянине, с которым разговор-то – сплошные паузы… И вообще… И, кстати, очень трудно все время подстраиваться, нет, все-таки нужно сходиться с себе подобными, а не… А на даче предстоит заняться огородом, и дочка, Юлька, заждалась, и хорошая погода – осень, но тихая, теплая, точно нежное лето… А лета-то и не было, считай, летом все хмурилось да текло, толком и не погрелись ничего… А зато вот осень балует. И вообще, так и бывает, так вот и бывает… – умиротворенно думала Оля, ничего толком не имея в виду и не пытаясь даже определить, что же именно так и бывает, но точно зная, что все бывает вот именно так.

Перепутаны наши следы

– Аня! Анька! Я дома! – В нетерпении Иван стряхивал ботинки с ног. Есть хотелось жутко. Он надеялся, что жена уже все приготовила и, услышав его, всполошится, захлопочет на кухне – да давай его кормить. Ниоткуда не доносилось, однако, ни звука. Молчали телевизоры. Молчали телефоны. Аня нигде не шуршала по хозяйству… Иван пробежал в гостиную и только успел подумать, что бы такое могло случиться, что супруги нигде не видно, как раздался звонок в дверь. На пороге стояла Люба, Анькина подруга. Вернее, жена Ваниного друга Олега. То есть подруга жены и жена друга… Ну, в общем, Люба. Женщина плюхнулась в прихожей на стул, пытаясь отдышаться. Можно сказать, на ней лица не было. Наконец она произнесла:

– Крепись, Ваня, Анька в больнице. Она в коме.

Иван замер, не желая понимать услышанное. Потом медленно разлепил губы, произнес: «Как?.. Как это может быть?» Наконец, взяв себя в руки, кинулся к Любе.

– Что произошло? Люба! Говори! Ты откуда? Откуда узнала?!

– Не части, – хмуро оборвала его Любовь. – Дай в себя прийти. Я еще не договорила.

– Где моя жена? – рявкнул потрясенный Иван. – В какой больнице?

– В той же, где мой муж!

Иван натягивал ботинки, пытаясь собраться с мыслями.

– Люба, – постарался он говорить спокойно, – объясни мне, что случилось. И поехали в больницу вместе.

Люба в отчаянии кусала губы, раскачиваясь всем корпусом и глядя в одну точку.

– Они с моим вместе были. В машине. Авария. У моего ни царапины, а Анька твоя сразу в отключку. Всякие там какие-то травмы…

– Да скажи уже, в какой она больнице! – снова взревел Иван.

– Подожди ты! Не все еще сказала… – Люба перевела дух и с трудом продолжила: – Этот сейчас тоже там, у нее, весь в соплях, рыдает как баба на похоронах… Позвонил мне, признался, что… что они… Отношения у них, понимаешь? Говорит, если бы не авария, так и так бы нам все рассказали. А теперь он тем более не может скрывать, потому что будет с ней в больнице, сколько потребуется, а меня просит его простить и… понять. – Люба истерично усмехнулась и застыла, криво и по-дурацки как-то улыбаясь.

– Это ложь!

– Это правда!

– Да он… Да я этого урода… – Иван рванулся к выходу.

– Ну куда помчался-то?

Ваня кулаком врезал по двери, взвыл и осел рядом с Любой.

– Ты уверена? – спросил в последней надежде.

Люба вздохнула и отвернулась.

– Ну может…

– Ну что может, что может-то? Ну сам мне сказал, позвонил и сказал. Зачем ему врать! Они нас кинули, Ваня, тут без вариантов, – голос задрожал, она наконец заплакала.

* * *

В больницу домчались быстро. Иван всю дорогу нарушал правила и гнал, не снижая скорости, словно от этой гонки зависела жизнь. Да может, так оно и казалось ему. Благо ехать

пришлось недалеко, гибэдэдэшники их нигде так и не остановили. Люба молчала, ни разу не вмешалась, словно ей было все равно – доедут они до места или разобьются по дороге.

Отыскали нужный корпус. Вход в него начинался широким крыльцом. На крыльце сидел и курил, как нарочно, Олег, Любин муж. Заметив вероломного друга, Иван вспыхнул и, процедив себе под нос яростное: «Ах ты ж…» – рванулся, хватая того за куртку и встряхивая. Олег вскочил, едва не подавившись окурком, молча, с готовностью тоже схватил обманутого мужа за грудки. Пыхтели с остервенением, хрипели, готовясь нанести удары. Но вмешался охранник, ругаясь развел противников, не спускавших друг с друга злых глаз, в стороны, что-то угрожающе булькнул в рацию.

– Все-все, – сдаваясь, бормотал Иван. – Все, братан, пусти. У меня жена в реанимации… в коме.

– Жена! Ясно, жена… Тем более! Понимать надо, где находишься, – ворчал охранник, остывая.

Иван понесся в отделение. Возле дверей в реанимацию притормозил, осматриваясь, не зная, у кого спросить, куда дальше.

– Ваня! – услышал, мечась по коридору. Обернулся и, словно ждал этого, снова кинулся на подбегавшего Олега.

– Остынь, поговорим, – попытался было тот.

– Остыну, когда тебе морду набью, сволочь! – Ваня снова вцепился в куртку недавнего друга, неловко ударил по скуле.

Из кабинета выбежал врач. Заорал в бешенстве:

– Тут больница! Выяснять отношения – марш на улицу!

Иван опомнился.

– К вам сегодня женщину… – бросился он к доктору. – По «скорой»… После ДТП. В коме, сказали… К кому?

– Ко мне, – сурово ответил врач. – Но я мужу пациентки уже все объяснил. И нечего здесь безобразничать! Нашли место…

– Мужу объяснил?! – мигом взъярился отставленный супруг. – Это я муж! Я! Вот, паспорт посмотри, умник!

– Или вы прекращаете хулиганить – или я вызываю охрану, – жестко отрезал доктор. – Вам ясно?

– Ясно, – сник Иван.

– Документы больной привезли?

– Нет, я… только узнал…

– Понятно. Документы подвезите. Это необходимо. А кто там у вас кем кому приходится, разбирайтесь сами. И не в стенах больницы! – снова повысил он голос. – Посещения сегодня и завтра невозможны, пациентка в бессознательном состоянии. Мы ее наблюдаем. Проводим необходимые процедуры.

– А прогноз? – воскликнул Ваня.

– Пока никаких прогнозов. Если будут изменения – вам позвонят. Оставьте координаты сестре.

Шатаясь, Иван рванул из больницы. Не отставая, за ним следовал Олег. Муж и любовник столкнулись плечами в дверях. Иван развернулся к бывшему другу, снова схватил того за что попало обеими руками.

– Что ты вяжешься за мной? – выдавил с отчаянием человека, тщетно пытающегося скрыться от ужасной правды.

Олег не сопротивлялся, хмуро смотрел в сторону, и это заставило Ивана отпустить его. Он было развернулся, поплелся к КПП, но Олег догнал, тронул за плечо.

– Постой… – Он явно был очень подавлен. – Прости, что так получилось…

– Прости?! – взревел обманутый друг. – Да пошел ты! Проваливай! Чтоб я тебя больше здесь не видел!

– Не уйду, – мотая головой, заупрямился Олег. – Я никуда не уйду, – повторил он с расстановкой.

– Ах не уйдешь! – снова набросился на предателя взбесившийся муж. – Да я убью тебя, гада, вот прямо сейчас и убью!

Олег по-прежнему не сопротивлялся. Иван встряхнул его как мешок и снова отпустил, взвыв и закусив кулак.

– Иван, – начал Олег, – ну так получилось… Ну я люблю твою жену. Мы любим друг друга. – Каждое слово давалось ему с трудом. А бывший друг опять рванул куртку соперника, тотчас же отпихнув его так, что ткань затрещала, а Олег еле устоял на ногах. Но, не глядя на взбешенного приятеля, через силу продолжил: – Ты ведь давно уже не любил ее. Ты жил рядом с ней и не замечал. А она… Она женщина, ей внимание нужно… Мы не хотели, но так получилось.

– Да что у вас получилось?! Подумаешь – утешил бабу! Минута! А у нас семья! Понимаешь ты это, урод? И у тебя, между прочим, тоже! Вон, Любка прибегала – сама на себя не похожая! Так что дуй домой к жене, любовничек! А мою в покое оставь, забудь о нас, понял? И не вспоминай.

Олег достал телефон, сунул дисплей под нос Ивану.

– Она меня любит, – сказал он тихо. – Ее эсэмэска, видишь? Вот аватарка. Вот текст. – На экране возникла фотография Ани, рядом сообщение: «Олежа, люблю тебя». Надпись завершал смайлик. – Если бы не авария, – заторопился, – мы все равно бы вам сказали. Так что, нравится тебе это или нет, я останусь здесь и буду рядом с Аней. Сейчас мое место возле нее. По-любому.

– Я изувечу тебя, – наклонившись к самому лицу соперника, прошипел Иван. – Изувечу. Если еще раз увижу в больнице.

Он резко развернулся и быстро пошел к машине. Любы поблизости не было. Должно быть, коротко объяснившись с неверным мужем, она ушла раньше. Иван завел мотор, посидел немного, склонившись на руль головой, пытаясь собраться с силами, тяжело вздохнул и тронулся с места, направляясь домой. На этот раз он ехал медленно, чувствуя тяжесть в груди и то, что ему в общем нет смысла спешить. Некуда.

Он позвонил дочке. Та лежала на сохранении в роддоме, и до родов оставались недели две. Иван знал, что Катя ежедневно перезванивается с матерью по нескольку раз. Обычно он ограничивался передачей приветов, иногда брал трубку, если жена настаивала, говорил что-нибудь общеободряющее, задавал какие-то вопросы. Сейчас ему отчаянно захотелось позвонить. Может, потому, что нужно было поговорить с родным человеком, может, потому, что нестерпимо тянуло нажаловаться на изменницу жену, а заодно и на злую судьбу, так страшно его вдруг ударившую наотмашь, как никогда еще не била. Ему было больно и жутко. Он не понимал себя, не мог понять, как утрясти в себе ненависть к жене-предательнице, так поглумившейся над двадцатью годами их брака, и сочувствие к ней, столь ужасно пострадавшей в автокатастрофе. Как примириться с тем, что друг, которого считал близким человеком не помнишь сколько лет, оказался самым ненавистным врагом. И как понять все это теперь, как при этом думать о жене, лежащей в коме, как желать ей выздоровления, ездить в больницу, смотреть на нее… Обман, кругом обман. Ему было страшно оттого, что он не готов был к такой жизни. А она наступила, и в ней, похоже, от него ничего не зависело.

Иван позвонил Кате, еще не зная, что сказать. В последнюю секунду, перед тем как она сняла трубку, успел подумать, что говорить с Катей ни о предательстве матери, ни о состоянии той совершенно невозможно. Успел испугаться, но уже услышал тоненький голос дочери:

– Пап! Слава богу, хоть ты. А я звоню-звоню маме – и никак. Волнуюсь даже, – пожаловалась Катя.

– Нет уж, ты, дочь, не волнуйся, – по возможности спокойно, обстоятельно произнес Иван. – Тебе это ни к чему.

– Ну ладно, – согласилась Катюша, – не буду. А как там у вас дела?

– Да все хорошо у нас, – неуверенно ответил отец. – У тебя-то как? Василий приезжал? – догадался поинтересоваться насчет зятя.

– Конечно, – заулыбалась его девочка. – Он каждый день ездит. Няшки всякие возит.

– Что возит? – не понял отец.

– Вкусняшки мне возит разные. И всякое такое, – похвасталась дочь.

– А-а. Ну хорошо. – Ваня приложил руку к груди, там, внутри, болело и пекло. Он не знал, что еще нужно сказать Кате. – Ну а ты-то как? Сама-то?

– Ну как? Домой так и не пускают. Похоже, буду тут валяться до родов, – обиженно проворчала дочка.

– Ну, ты это, надо – так надо. Лежи. Врачам виднее, – наставительно заметил Иван. Вдруг вспомнил, как сегодня хирург в травматологии сообщил ему, что «все, что нужно, уже сообщил мужу», и крепче прижал руку к груди. – У нас некоторые проблемы, Катька, – наконец решился он. – Мама тебе пока звонить не сможет. Она… – Иван постарался говорить медленнее и спокойнее, чтобы не напугать дочь, – мама ехала на машине и попала в небольшую аварию.

– Как?!

– Ничего, ничего, Катя. Ну… просто попала в аварию.

– Она…

– Жива, жива! Но сейчас в больнице. Пока что в реанимации… Но врачи говорят, опасности нет, – поспешил он соврать, слыша, как растерянно залопотала в трубке напуганная дочь.

– Папочка… Папочка… Как же это? А что у нее? Она в сознании?

– В сознании, ну конечно, в сознании! Но говорить по телефону пока не сможет. Там нельзя – в реанимации. Ее телефон у меня, так что не звони ей, я его… выключил, – снова соврал Ваня. – А тебе буду сообщать, как там у мамы идут дела. И ей буду рассказывать о тебе. Так что постарайся, чтобы сообщения мои были хорошими, ладно? Береги себя, дочка.

– Но как же мама? – тревожилась Катя. – Это надолго?

– Ничего, ничего. Все будет хорошо, – чуть не по слогам проговаривал отец. – Врачи говорят, все будет хорошо.

*** * ***

Назавтра Иван позвонил в больницу и узнал, что изменений никаких нет. Ехать не хотелось. Не мог он. Не мог с этой ненавистью. Да и незачем было.

Вечером снова пришла Любка. Чуть вошла в прихожую и сразу стала плакать, размазывая слезы по покрасневшему лицу.

– Это ты во всем виноват, – зло высказала прислонившемуся тут же к стене Ивану. Он вяло повернул голову в ее сторону и промолчал. – Господи, как же мне тяжко-то, – всхлипнула Люба, почти падая на стул. – Сам-то что, – неласково взглянула она на товарища по несчастью, – оправился? Привыкаешь, что мы с тобой обманутые дураки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.